

Д. ТОДЕС

Павлов и большевики *

Павлов наш целиком, и мы его
никому не отдадим.

Николай Бухарин (1936)

В сентиментальном и одновременно воинствующем некрологе Николай Бухарин объявил Ивана Павлова достоянием революции. Павлов — «наш целиком», писал большевистский лидер, по его материалистическим взглядам в «решающих пунктах» его учения и «потому, что он после большой внутренней борьбы, сомнений, колебаний признал историческую правоту нашего дела» [1]. В последующие пятьдесят лет советская историография, следуя Бухарину, пересказывала простую и показательную историю о великом ученом, который, верный своим представлениям об объективности, окончательно преодолел предубеждения в признании успехов советского эксперимента. Соглашаясь с тем, что Павлов первоначально «не понял» революции, стандартный советский рассказ быстро переключался от краткого периода так называемого заигрывания Павлова с идеей об эмиграции к щедрой поддержке ученого государством после декрета Ленина в 1921 г. и торжественно завершался воодушевленной похвалой знаменитого физиолога в адрес большевистской власти на Международном физиологическом конгрессе (1935) и в его «Обращении к молодежи» (1936).

Тенденциозность этого официального рассказа была хорошо известна ряду ученых России. Начиная с 1989 г. В. Есаков, В. Са-

* Статья опубликована в журнале «History and Philosophy of the Life Science» (1995. N 17. P. 379—418). Русский перевод опубликован в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1998. № 3. С. 26—59).

мойлов и Ю. Виноградов, воспользовавшись преимуществами периода «гласности», обратились к обсуждению прежде закрытых материалов, что перевернуло привычный советский миф с ног на голову. Страстная критика Павловым политики большевиков в 1920—1934 гг. стала стержнем новой версии притчи об ученом, созвучной демократическим чаяниям русской интеллигенции времен перестройки. Триумфальное завершение отброшенного советского варианта — поддержка Павловым политики большевиков накануне его смерти — обернулось загадочным и вызывающим некоторое замешательство эпизодом*.

В этой статье я использую архивные материалы, чтобы понять сложные отношения между авторитарным государством и всемирно известным ученым в их развитии. С моей точки зрения, эти материалы показывают, как отношения между Павловым и большевиками складывались в противоречивое сотрудничество, движимое с обеих сторон различными интересами, идеологией и средствами. Это история не только о моральном и идеологическом противостоянии, но и о сложных взаимосвязях между создателем научной империи и ее государственным патроном.

* Задолго до периода гласности Н. М. Гуреева и В. Л. Меркулов широко использовали скрытые от глаз советской общественности архивные материалы во втором томе «Летописи жизни и деятельности академика И. П. Павлова», в котором подробно освещалась жизнь Павлова после Октябрьской революции. Этот прекрасный том остался неопубликованным, в настоящее время рукопись находится в материалах личного архива Меркулова. В 1972 г. В. Есаков сделал в Комиссии по документальному наследию И. П. Павлова также хорошо документированный доклад о переговорах Павлова с большевиками об эмиграции. Ему удалось опубликовать этот доклад только в 1989 г. [2]. В настоящей статье используются интервью со знакомыми и коллегами И. П. Павлова, записанные на магнитофон в 1960—1980 гг. Ю. А. Виноградовым. Так как выявленные Виноградовым воспоминания не вписывались в официальную историографию, эти интервью тоже не подлежали публикации. В. О. Самойлов занимался исследованием архивных материалов годами, но смог открыто использовать их только в 1989 г. [3—5]. Писатель Борис Володин также собрал и изучил большое количество материалов о Павлове и большевиках, но смог опубликовать исследовательские очерки только о жизни Павлова до Октябрьской революции. Когда я в 1990 г. начал собственные архивные разыскания, я был поражен, обнаружив чрезвычайно интересные и, как я думал, неизвестные материалы, которые как будто ждали меня. Но во многих случаях в листах использования документов я увидел подписи этих исследователей, просмотревших их задолго до меня. На их публикации в соответствующих местах сделаны ссылки. См. также [6].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НАКАНУНЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В октябре 1917 г. Иван Петрович Павлов (1849—1936) был ученым с мировым именем, его взгляды и политические убеждения за 68 лет жизни вполне сложились — сциентизм*, усвоенный в юности, самодисциплина и профессиональный успех, достигнутые в период зрелости, и пылкий, но противоречивый патриотизм, закалившийся в последние десятилетия царской России.

Во время учебы в семинарии в 1860-е гг. Павлов страстно защищал радикальный сциентизм, пропагандировавшийся Дмитрием Писаревым и другими шестидесятниками. Нарушив семейные религиозные традиции, он поступил в Петербургский университет и стал учиться на естественном отделении физико-математического факультета. Его приверженность науке продолжала укрепляться, но радикализм быстро угас. В университетские годы конфликт со студентами и коллегами прервал карьеру глубоко уважаемого и любимого им учителя — физиолога И. Ф. Циона. Эта история оставила Павлова без наставника и оттолкнула его от либеральной интеллигенции.

Последние десятилетия царской России были благоприятными для Павлова. В 1890 г. он стал экстраординарным профессором на кафедре фармакологии в Петербургской военно-медицинской академии. Годом позже принц Ольденбургский назначил его заведующим отделом физиологии во вновь созданном Институте экспериментальной медицины. За исследования по физиологии пищеварения в 1890-х гг. Павлов был удостоен Нобелевской премии (1904). Через три года он был избран действительным членом Академии наук и получил в свое распоряжение третью лабораторию. В эти годы ученый с женой и четырьмя детьми жил в просторной квартире, коллекционировал книги и картины, а лето проводил на даче в Лифляндии, где плавал, ездил на велосипеде и общался с культурной элитой. Самым главным для Павлова, однако, была его научная империя, которой он управлял в твердых патриархальных традициях, вдохновенно продолжая свои исследования по условным рефлексам**.

* Вера в решающую роль науки в совершенствовании природы, общества и человека.

** О научном стиле Павлова и организации деятельности его научных лабораторий в период работы ученого над проблемами пищеварения см. [7].

Павлов считал себя «русским либералом» [8, л. 29], но поддержка им постепенной эволюции к конституционной монархии относила его вправо от партии конституционных демократов (кадетов) — партии, популярной среди его коллег. Впрочем, у него не было ни времени, ни склонности к политической деятельности. Однако потрясенный поражением России в русско-японской войне, он во время революции 1905 г. принял участие в организации нелегального союза профессоров, за что попал в черный список царской тайной полиции [9, л. 3]. Спустя некоторое время после этого он серьезно намеревался выставить свою кандидатуру в члены Думы от партии октябристов, но ничего из этого не вышло *. Вскоре разочарованный в политике Павлов «замкнулся в научно-исследовательской работе» **.

Характерными чертами его идеологии были сциентизм и то, что один из его знакомых назвал «государственным патриотизмом», — отождествление себя с «достоинством и интересами родины» [12, л. 4]. Вместе с тем этот «государственный патриотизм» сосуществовал у Павлова с убеждением, что, возможно, в силу исторических причин «русский тип» уступает в сравнении с английским и немецким типами. В 1916 г. он писал: «Когда отрицательные черты русского характера: лень, не предприимчивость, равнодушное или даже неряшливое отношение ко всякой жизненной работе навевают мрачное настроение, я говорю себе: нет, это не коренные наши черты, это — дрянной нанос, это проклятое наследие крепостного права» [13, с. 312].

Первая мировая война воспламенила патриотизм Павлова. В своей вступительной лекции в начале 1914/15 академического года и в последующих лекциях он горячо одобрял цели России в войне и с горьким сожалением говорил о продолжающихся поражениях русской армии ***. Два его сына были на фронте, и он жадно следил за ходом военных событий и убеждал своих коллег, что, «если бы не мой возраст, я все бы бросил и поступил добровольцем в армию» [14, л. 2; 15, л. 50]. Когда поражения обернулись полным разгромом, он презрительно называл Нико-

* См. [10, л. 1—2]. Я благодарю Элеонору Филиппову за выявление этого письма и сообщение мне его содержания.

** Записано А. А. Сергеевым со слов семейного доктора Павловых. См. [11, л. 6].

*** *Зимницкий М. Ф.* Интервью, записанное Ю. А. Виноградовым 13 апреля 1968 г. Данное интервью, а также другие интервью, записанные на магнитофон Ю. А. Виноградовым и упоминаемые далее в тексте, хранятся в особой коллекции АРАН ПО в разряде XVI.

лая II «дураком» и «вырожденцем» *. Поглощенность событиями на войне отдалила его от коллег-либералов по кадетской партии, и он негодовал в ответ на попытки вовлечь его в их ряды: «Да разве вы не понимаете, что совершаете преступление, устраивая переворот во время войны! Ведь это к добру не приведет! Нет, никогда я не приму участия в гибели моей родины!» [17, л. 221].

К свержению царя в феврале 1917 г. Павлов отнесся «в высшей степени пессимистически» [15, л. 61]. Однако он объявил о своей лояльности по отношению к Временному правительству и был воодушевлен обещанием правительства расширить свободы и оказать содействие развитию науки **. Углубление социального брожения и поражения на фронте вскоре оправдали его самые серьезные опасения.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1917—1921)

Павлов воспринял большевистскую революцию с болью и ужасом. «Он говорил постоянно о гибели родины, — вспоминал один из его близких друзей, — враждебно и недоверчиво относился к большевикам, открыто выражая свое неудовольствие “различным их мероприятиям”» [15, л. 148]. Эти чувства разделялись большинством его коллег. Военно-медицинская академия и Институт экспериментальной медицины приняли в ноябре 1917 г. резолюцию, в которой обличались «насильники, захватившие власть» ***. Враждебность Павлова усиливалась по мере роста анархии и материальных лишений вследствие большевистской «механической, централизующей все» политики по отношению к науке, предоставления независимости отдельным частям царской России и подписания Россией в марте 1918 г. «постыдного», по мнению Павлова, сепаратного мирного договора с Германией. Прощаясь с ушедшим из жизни другом, на его похоронах Павлов сокрушался и о судьбе России: «Я завидую тебе. Ты более не видишь... все растущего раздиранья и опозорения родины...» [20].

* Конради Г. П. Интервью, записанное Ю. А. Виноградовым 18 июня 1969 г. В «Русском уме» (1918) Павлов снова охарактеризовал Николая II «вырожденцем» [16, л. 18].

** Об одобрении Павловым признания ИЭМом нового правительства см. [18, л. 11 об.].

*** Фраза из резолюции, принятой Академией наук и вскоре одобренной ИЭМом [19, л. 288].

Революция вскоре коснулась семьи и самого Павлова. Один из его сыновей, Всеволод, офицер, сообщал своим родителям с фронта об унижении офицеров и об «анархическом урагане», пожиравшем армию [21]. Вскоре он присоединился к «белому движению». Другой сын, Виктор, отправился в таинственную поездку на территорию, занятую белыми, и, заразившись по дороге тифом, скончался*. Во время «красного террора» 1918—1920 гг. ВЧК несколько раз производила обыски в доме ученого и на короткое время арестовала и Павлова, и его старшего сына Владимира**. Политических арестов не избежало и ближайшее окружение Павлова, включая его друга, бывшего директора ИЭМа С. М. Лукьянова***.

Гражданская война между красной и белой армиями (1918—1921) сделала условия жизни на всей территории России катастрофическими, очень трагично они сложились и в «голодном Петрограде»****. Жизнь петроградских ученых стала невыносимо тяжелой. Правительство большевиков, само на грани выживания, почти не выделяло средств на поддержание научного сообщества, которое, по его мнению (не лишнему оснований), было политически враждебным. Из своей просторной квартиры академического дома на 7-й линии Васильевского острова Павлов видел бедственное положение русской ученой элиты. Два академика, жившие в том же доме, умерли от холода и голода: другие беспомощно наблюдали, как коммунистические власти подсаляли в их квартиры жилтоварищей*****. Павлов сам занимался поиском дров и кормил семью с огорода, устроенного

* Виктор вез с собой письмо от Совета Народных Комиссаров, удостоверявшее, что он занимается сбором продуктов для своего отца, «гордости русской и мировой науки» [22, л. 8]. В своих мемуарах М. К. Петрова намекает, что Виктор намеревался присоединиться к белой армии [15]. Г. А. Биров, который встретил Виктора на железнодорожной станции, утверждает, что он собирался лишь продолжить научную работу вместе с членами факультета Новороссийского университета (из интервью с Бировым, записанного Ю. А. Виноградовым в октябре 1967 г.).

** Рассказ об обыске в доме Павлова, который закончился арестом Владимира, см. [17, л. 380].

*** Лукьянов был арестован в ноябре 1919 г. [23, л. 21]. О других арестах в ИЭМ см. [24].

**** Санкт-Петербург был переименован в Петроград в 1914 г., в Ленинград — в 1924 г. и в Санкт-Петербург — в 1991 г.

***** О возмущенной реакции президента Академии наук см. его письмо в Народный комиссариат просвещения в марте 1919 г. [25, л. 448].

им на территории Института экспериментальной медицины. Его Нобелевская премия была реквизирована, так же как и золотые медали, которые он получил в Петербургском университете и Академии наук.

К 1918 г. работа в лабораториях Павлова практически остановилась, прекратились находящиеся на взлете исследования по условным рефлексам. Число ассистентов, собак и количество продовольствия для них и других сократились до минимума. Он жаловался одному из коллег на то, что его лаборатории не могут больше обеспечивать демонстрации опытов на лекциях, не говоря уже об исследованиях. «Работа почти совсем прекратилась, — писал ученый, — а приближается мрачная и холодная зима. Свечей и керосина нет, и электричество подается на ограниченное количество часов. Плохо, очень плохо. Когда же наступит поворот к лучшему?» [26, л. 7—8].

Павлов выразил свое отношение к революции большевиков в том же году в серии публичных лекций. Названные «Об уме вообще», «О русском уме» и «Основа культуры животных и человека», эти лекции, в основу которых были положены его исследования по условным рефлексам, объясняли национальную трагедию России слабостью «русского типа». Их тон очевиден из вступления к его первой лекции: «Если я, в теперешнем своем виде, никогда не певший, никогда не протягивавший голос для пения, никогда пению не учившийся, — воображу, что я обладаю *приятным* голосом и что у меня исключительное дарование к пению, — и начну угощать моих близких и знакомых ариями и романсами, — то это будет только забавно. Но если целый народ, в своей главной низшей массе недалеко отошедший от рабского состояния, а в интеллигентских слоях большей частью лишь *заимствовавший* чужую культуру, и притом не всегда удачно, народ, в целом относительно мало давший своего самостоятельного и в общей культуре, и в науке, — если такой народ вообразит себя вождем человечества и начнет поставлять для других народов образцы новых культурных форм жизни — то мы стоим тогда перед прискорбными, роковыми событиями, которые могут угрожать данному народу потерей его политической независимости» [27, л. 1—1 об.].

Он относил эти «прискорбные, роковые события» — включая Февральскую и Октябрьскую революции, позицию Троцкого в мирных переговорах с Германией и распад Российской империи — на счет фундаментальной слабости «русского ума». Русские не были реалистами, настаивал Павлов; они были склонны

к экстремальным обобщениям, пренебрежению фактами и отсутствию дисциплины.

Наглядным примером, по мнению ученого, был большевизм. В то время как европейские социал-демократы резонно стремились защищать интересы рабочих, русские социал-демократы довели это до диких крайностей и абсурда: «Мы загнали эту идею до диктатуры пролетариата. Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является еще грубой силой, которую можно заменить и машиной, то *выдвинули на первый план*. И все это, конечно, обречено на гибель *как слепое отрицание действительности*» [16, л. 13 об.—14].

Ссылаясь на лабораторные эксперименты с собаками, Павлов утверждал, что «правильное соотношение с окружающим миром» требует равновесия между «возбуждением, или свободой в широком смысле», и «торможением, или дисциплиной, уздой» [8, л. 24]. Англичане и немцы представляют модель такого баланса, а русским всегда не хватает дисциплины. Результаты этого были особенно драматичны «в наше революционное время».

«Это великолепная и ужасная иллюстрация. Что такое революция вообще? Это есть освобождение от всех тормозов, о которых я говорил, это есть полная безудержность, безудность. Были законы, обычаи и т. п. Все это теперь идет насмарку. Старого не существует, нового еще нет. Торможение упразднено, остается одно возбуждение. И отсюда всякие эксцессы и в области желания, и в области мысли, и в области поведения».

Отсутствие торможения, считал Павлов, сказывалось во всех проявлениях русской жизни, от протестов студентов и ассистентов лабораторий против власти опытных профессоров до восстания национальных меньшинств империи против русского государства.

«Какой же в этом толк? Когда мы вместе, мы обладаем силами, а в отдельности с нами расправится всякий, кто сильнее. Так оно уже и есть. Какой же смысл в этом отделении? Все человечество стремится к слиянию, а мы стремимся к тому, чтобы жить врозь. Ясно, что наши стремления не отвечают потребностям человечества, а являются лишь результатом того, что с нас снята узда. Это есть проявление вольности, свободы без всякого участия другой половины жизни — дисциплины, торможения» [8, л. 41—43].

В этих публичных лекциях проявляется антропоморфическое начало в мышлении Павлова, противоречия его тщательно куль-

тивируемому образу чистейшего объективиста. Торможение и возбуждение у Павлова становились центральными понятиями в учении о высшей нервной деятельности, и метафоричная связь между торможением и дисциплиной, с одной стороны, и возбуждением и свободой — с другой, я думаю, играла важную роль и в его научных исследованиях, и в оценке им политических ситуаций *.

Эти речи ярко отразили отношение Павлова к революции, которую он связывал с хаосом разрушения, крахом русского национального могущества, угрозой автономии и гибели вообще русской науки и потерей своего собственного социального положения и привилегий.

УЕХАТЬ ИЛИ ОСТАТЬСЯ?

В апреле 1918 г. Павлов говорил о «самом разгаре большевистской власти» в прошедшем времени, полагая, как и многие другие, что большевики вскоре будут изгнаны [16, л. 4 об.]. Однако в период между октябрём 1919 г. и весной 1920 г. ход гражданской войны в России повернулся решающим образом в пользу Красной Армии [29, с. 423].

Думая о перспективе провести остаток жизни при большевистской власти, Павлов послал в июне 1920 г. в Совнарком пронизанное болью письмо, прося разрешения «начать переписку (хотя бы контролируруемую) с моими заграничными научными товарищами и друзьями о приискании мне места вне родины» **. Он объяснял, что продолжать научную работу в России невозможно. Ученый жаловался на «непреодолимые материальные затруднения всякого рода в теперешних русских лабораториях и отсутствие общения, связи со всесветной научной работой». Он не мог работать продуктивно также и потому, что жалования, получаемого им за его три академические должности, было недостаточно для поддержания семьи: «Я принужден исполнять в соответствующий сезон работу огородника, в мои годы не всегда легкую, и постоянно действовать дома в роли прислуги, помощ-

* Роджер Смит дает широкий анализ концепции торможения в своей прекрасной книге [28].

** См. [30]. Архивные документы, касающиеся вопроса об эмиграции, были впервые тщательно исследованы В. Есаковым, который в 1972 г. сделал на эту тему доклад (из-за советской цензуры публикация была невозможна). Исаков опубликовал этот материал, включая многие из документов, цитируемых ниже, в статье [2].

ника жены по кухне и содержанию квартиры в чистоте, что все вместе отнимает у меня большое и лучшее время дня. Несмотря на это, мне и жене приходится питаться плохо и в количественном и в качественном отношениях и годами не видеть белого хлеба, неделями и месяцами не иметь ни молока, никакого мяса, прокармливаясь главным образом черным, большею частью недоброкачественным хлебом, пшеном, тоже плоховатым, и т. п., что, естественно, ведет к нашему постоянному похуданию и обессилеванию. И это после полувековой (поденнейшей) научной работы, увенчанной ценными результатами, признанными всем научным миром» [30].

Успешно продолжать работу ему было также очень тяжело психологически. Во-первых, он был «глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный опыт обречен на неприменную неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей родины, не даст. Меня безотступно гнетет эта мысль, — писал Павлов, — и мешает сосредоточиваться на моей научной работе» [30]. Во-вторых, он не мог представить себя в роли «крепостного, раба только для других». Он не мог подчиниться контролю государства над его работой и ее плодами: «Я хочу иметь в моем полном распоряжении плоды моей умственной работы, которая ее идейной стороной, в виде научных результатов, и без национализации есть и будет полезна всем людям. Я хочу помимо создания для себя некоторых удобств и удовольствий отблагодарить тех, кто помогал мне самоотверженно в течение моей жизни...» [30].

Содержание письма Павлова понятно, но причины его написания — не совсем. С помощью друзей и заграничных связей он мог, вероятно, эмигрировать и без разрешения большевиков. Это подразумевалось в первой строке письма: «Всю мою жизнь я предпочитал прямой, открытый образ действия». Павлов действительно обладал исключительным чувством личного достоинства, и мы не можем не учитывать этого фактора в его поведении.

Вместе с тем мы имеем веские причины рассматривать это письмо как вступление в переговоры и выяснение альтернатив. В свои 70 лет Павлов без энтузиазма относился к перспективе покинуть Россию и начать все заново, притом что его возможности за границей не были ясными. Через неделю после письма в Совнарком он объяснил своему коллеге: «Жить мне осталось немного. Вступил в восьмой десяток лет, но мозг еще работает исправно, и мне очень хочется более или менее закончить мою многолетнюю работу о больших полушариях. Оставаясь здесь, я не достигну цели. Помехи и материальные, и нравственные, и ум-

ственные прямо неодолимые. За границей надеюсь найти нужную мне, хотя и невзыскательную обстановку жизни и работы. У меня там так много друзей и добрых товарищей... Смею надеяться, что у них найдется место и для меня. Тяжело, страшно тяжело, да еще в мои годы оставлять родину, но что же делать. Сил нет жить здесь при теперешних условиях» [31].

Письмо Павлова было направлено комиссару народного просвещения А. В. Луначарскому, который быстро передал его В. И. Ленину. Луначарский напомнил Ленину, что ранее «мы дважды предлагали ему уехать за границу». Павлов, писал он, ответил, что «я хочу быть лояльным по отношению к Советской власти, между тем я за многое ее осуждаю. Если меня будут спрашивать за границей, я должен буду сказать правду, а поэтому предпочитаю не давать никаких обещаний о молчании». Как, спрашивал Луначарский, ему нужно поступить? *

Ленин считал отъезд Павлова за границу недопустимым и решил рассматривать письмо ученого как основание для начала переговоров. Он сообщил Г. Е. Зиновьеву, председателю Петросовета, о том, что Павлов хочет покинуть страну «ввиду его тяжелого в материальном отношении положения» и что отпустить его было бы «вряд ли рационально, так как он раньше высказывался в том смысле, что, будучи правдивым человеком, не сможет в случае возникновения соответственных разговоров не высказаться против Советской власти и коммунизма в России. Между тем ученый этот представляет собою такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной необеспеченности» [32]. Ленин предложил предоставить Павлову «сверхнормальный» продовольственный паек, улучшить его жилищные условия и положение в его лабораториях. Зиновьев переправил письмо Ленина своему помощнику Митрофанову с указанием выяснить все, в чем нуждается Павлов, и «непременно это устроить» [32].

Павлов между тем, полный нетерпения, написал другое письмо, на этот раз управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу, с которым он познакомился до революции в доме их общего друга. Коротко пересказав содержание своего первого письма, он попросил Бонч-Бруевича поддержать его ходатайство [33]. Бонч-Бруевич вновь обсудил этот вопрос с Лениным, кото-

* Письмо А. В. Луначарского В. И. Ленину от 21 июня 1920 г. Цит. по: [2, с. 79].

рый только двумя днями раньше направил свою директиву Зиновьеву.

Как понять реакцию Ленина на письма Павлова? Ранее, если верить Луначарскому, большевистское руководство поощряло Павлова к отъезду за границу; теперь, в середине 1920 г., к ученому стали относиться как к национальному достоянию. Этот новый подход может быть объяснен теми же изменившимися обстоятельствами, которые послужили причиной для написания Павловым его просьбы: грядущей победой Красной Армии в гражданской войне. Как хорошо было известно Павлову, в это время Академия наук и другие ведущие научные учреждения убеждали правительство в том же — непризнание автономии науки и непринятие чрезвычайных мер по отношению к ученым приведет к их массовой эмиграции и гибели русской науки *. А. П. Карпинский, президент Академии наук, прямо проинформировал Совнарком: без фундаментальных изменений государственной политики «одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий... другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но такой выход вряд ли может быть кем-либо признан нормальным и желательным» **. Дело Павлова указало на проблемы, стоящие перед советской наукой в целом, и реакция Ленина, все больше внимания уделявшего вопросам мирного строительства, на письма ученого явилась важным моментом в научной политике советского государства.

Бонч-Бруевич, со своей стороны, последовал указаниям Ленина. Он послал копии писем Павлова в несколько советских комиссариатов с предложением принять меры для поддержки ученых и затем ответил Павлову, подчеркивая желание правительства улучшить условия его жизни и деятельности в России: «Мне стало крайне больно подумать, что Вы, гордость и слава русской науки, для того чтобы окончить одно из Ваших замечательных исследований, должны будете покинуть нашу родину и уехать за пределы ее, чтобы довести начатую Вами работу до

* См., например, письма А. П. Карпинского в Комиссариат народного просвещения (Наркомпрос) в марте 1919 г. и в Совнарком в октябре 1920 г. [34].

** Письмо А. П. Карпинского и других в Совнарком от 7 декабря 1920 г. Павлов принимал участие в дискуссиях академиков о катастрофической ситуации в России в ноябре 1920 г. и в академическом заседании, поддержавшем это письмо [35, л. 539—541; 36, л. 140, 152—153, 156].

конца... Не сомневаюсь ни одной минуты, что Советское правительство сделает все возможное, чтобы обеспечить Вас решительно всем, что Вы только пожелаете, дабы Вы не чувствовали в Вашей жизни решительно никаких недостатков» [37].

Павлов ответил в короткий срок, благодаря Бонч-Бруевича за его любезное и сочувственное письмо, но настаивал на том, что его личные нужды были для него на втором плане. Описывая критически тяжелое положение окружающих его людей, он писал: «Теперь скажите сами, можно ли при таких обстоятельствах, не теряя уважения к себе, без попреков себе, согласиться, пользуясь случайными условиями, на получение только себе жизни, обеспеченной во всем, что только не пожелаю, чтобы не чувствовать в моей жизни никаких недостатков (выражение из Вашего письма)? Пусть я был бы свободен от ночных обысков (таких было у меня три за это время), пусть бы мне не угрожали арестом производившие обыск, пусть я был бы спокоен в отношении насильственного вселения в квартиру и т. д., и т. д., но перед моими глазами, перед моим сознанием стояла бы жизнь со всем этим моих близких» [38].

В ожидании ответа Павлов, пытаясь выяснить, на что он может рассчитывать в ведущихся переговорах, обратился к народному комиссару здравоохранения Н. А. Семашко с другой просьбой — помочь вернуть реквизированные у него медали. Семашко отреагировал без промедления, и медали, ввиду признания «научных заслуг» Павлова, были ему возвращены [39, л. 8; 40, л. 176, 181; 41, л. 389; 42, л. 97—98]. Оценив значение этой уступки, Павлов написал в августе 1920 г. в Петросовет ряд просьб об улучшении положения его лаборатории — они все тоже были быстро удовлетворены [43, л. 445; 44, л. 172—173].

В октябре 1920 г. Бонч-Бруевич ответил наконец на второе письмо Павлова, признавая тяжелые обстоятельства, в которых жил Павлов и интеллигенция, и указывая на пропасть, разделяющую интеллигенцию и народ; но если Павлов, продолжал он, «настаивает» на своем желании эмигрировать, он должен написать официальное заявление в Наркомат иностранных дел [45]. Убежденный, по-видимому, в том, что Бонч-Бруевич прямого ответа не даст и что разрешения уехать за границу не последует, Павлов оставил это письмо без ответа. Вскоре после этого он сообщил иностранному посетителю, что «пытался несколько раз добиться разрешения покинуть страну, но безрезультатно» [46].

В ноябре 1920 г. Ленин был обескуражен письмом шведского Красною Креста в советское правительство с предложением раз-

решить Павлову эмигрировать в обмен на высылаемую петроградским больницам помощь, большевистскому руководству стало очевидно, как далеко простираются интернациональные связи Павлова *. Ожидая нежелательной реакции со стороны эмиграционных кругов, Ленин тщательно готовил ответ Красному Кресту и запросил Семашко, может ли он прямо написать, что Павлов не хочет покидать страны. Такое заявление, ответил Семашко, было бы «рискованно» [48].

В процессе подготовки своего ответа Ленин получил от Э. Енчмена, уполномоченного заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского, подробную докладную записку об условиях в лаборатории Павлова в Институте экспериментальной медицины. Создатель своеобразной «новой биологии», якобы объединившей марксизм и физиологию Павлова, Енчмен провел в павловской лаборатории последние дни декабря 1920 г. Он сообщал о «полной гибели огромной инициативы этого единственного в мире ученого, несмотря на, по-видимому самое доброе, желание тов. Зиновьева осуществить намерение тов. Ленина». Лаборатория была «совершенно закрыта и заморожена», ее личный состав сократился с 25 до двух человек, и все (около 100) ценные лабораторные собаки подошли, отравившись доставленными для их подкормки отбросами от производства искусственного хлеба.

Старый 72-летний труженик-энтузиаст Павлов, чтобы побыть в лаборатории с лучиной в руках два часа (вместо прежних пяти — недостаток света и отсутствие людей делают излишним более долгое пребывание в лаборатории), полный изумительной энергии, тратит ежедневно и силы и время (помимо чистки картофеля на дому) на путешествие пешком из дома в лабораторию и обратно (трамвайные очереди лишают старика возможности пользоваться трамваем), т. е. проходит расстояние в двадцать верст **.

* В письме от 15 марта 1921 г. Уолтер Кеннон объяснил А. И. Рингеру, что друг Павлова, профессор Йоханссон, «тесно связан со шведским Красным Крестом и имеет прямые связи с Петроградом». Кеннон писал, что шведский Красный Крест может служить инстанцией, через которую деньги, собранные для Павлова на Западе, могут быть пересланы в Петроград [47]. Я благодарю д-ра Сола Бенисона (Saul Benison) за информацию об этом письме и о других относящихся к этой теме материалах из коллекции Кеннона.

** См. [49, л. 8]. Копию этого письма с пометками Ленина см. в [50]. (Фактически это расстояние составляло не 20 верст, а около 6,5 км. — *Сост.*)

Ясно, заключил Енчмен, что государство всеми возможными административными мерами должно организовать помощь Павлову.

Это согласовывалось с тем, о чем думал Ленин. Он обсудил с Покровским, Семашко и другими оба вопроса — ответ шведскому Красному Кресту и государственное постановление об улучшении условий жизни и деятельности Павлова. Красному Кресту было сообщено, что Павлову не может быть позволено покинуть страну, так как «Советская Республика вступила в период интенсивного хозяйственного строительства, что требует напряжения всех духовных и творческих сил страны» [51, л. 2].

Кульминацией всех этих обсуждений было издание поразительного по содержанию постановления Совнаркома, датированного 24 января 1921 г. Названное «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников», постановление гарантировало Павлову привилегированное место в советской науке. В нем говорилось о создании специальной комиссии, включавшей известного писателя Максима Горького и руководящих чинов Петросовета, с целью организации «наиболее благоприятных условий» для научной деятельности Павлова. Ученому даровали право собственности на «роскошное» издание его научных трудов в России и за границей, для его семьи выделялся специальный продовольственный паек, равный «по калорийности» двум академическим пайкам, квартиру Павлова и его лаборатории постановлялось обставить «максимальными удобствами» *.

Через день после издания постановления Наркомат просвещения послал ученому письмо, представляя ему некоего «тов. Алейникова» в качестве «ученого консультанта». Алейников был уполномочен принять «целый ряд мер» для облегчения работы Павлова. В письме далее говорилось: «Мы чрезвычайно были бы заинтересованы в том, чтобы Вы остались в пределах РСФСР, производили бы здесь Ваши работы без ущерба и для Вас лично, и для Ваших занятий. Если же, несмотря на такие наши мероприятия, Вы настаивали бы на переезде Вашем за границу, то желательно было бы и по этому поводу уговориться относительно целого ряда обстоятельств... Надеюсь, что, каковы бы ни были результаты разговоров, Вы, во всяком случае, не будете иметь оснований к каким-либо претензиям против Советской власти, от души желающей устроить Вашу жизнь настолько комфорта-

* Это постановление было широко опубликовано. См., например, [52, с.165].

бельно, насколько это мыслимо в нашей обнищавшей в великих испытаниях стране, и во всю ширь использовать Ваши исключительные дарования» [53, л. 24].

Жена Павлова, Серафима Васильевна, резюмировала их понимание политики большевиков следующим образом: «Дать Ивану Петровичу карт-бланш на все, что он пожелает, но за границу не пускать ни в коем случае» *.

Предоставленный Лениным «павловский паек» был особой советской привилегией. Введенные в обиход в связи с нехваткой продовольствия в русских городах, эти пайки, получаемые в специальных магазинах в обмен на напечатанные государством купоны, играли необычайно важную роль: они поддерживали жизненный уровень людей и позволяли учреждениям привлекать и удерживать кадры. Содержание продовольственных пайков различалось в зависимости от статуса получателя. Порожденные «блатом», они были одним из ранних проявлений политики привилегий, которая отделила некоторые лица и целые группы людей от остального населения Советской России. «Специальный улучшенный паек» Павлова действительно был роскошным по тем временам. Его месячное содержание включало 70 фунтов пшеничной муки, 25 фунтов мяса, 12 фунтов свежей рыбы, 3 фунта черной икры, 10 фунтов бобов, гороха, чечевицы и фасоли, 4 фунта сыра, 5 фунтов сухофруктов, 750 штук папирос и пр. [55, л. 25]. Ответная реакция Павлова продемонстрировала ту позицию, которую он занял в своих взаимоотношениях с советским государством. Первоначально ученый отказался принять этот паек, поскольку он и его жена находят «для себя неприемлемым быть в привилегированном положении сравнительно с нашими ближайшими товарищами» **. Государство верно

* См. [54, л. 123]. Здесь, как очевидно, сущность дела заключалась в необходимости «достичь соглашения по поводу целого ряда обстоятельств». Исходя из своего опыта, основываясь на устных сведениях, Павлов и его жена подразумевали в этой фразе возможность неприятных последствий для членов семьи, семейной собственности и обещание хранить молчание за границей. В своих воспоминаниях Серафима Васильевна добавила, что Павлова в то время настойчиво обхаживали ученые ряда стран, в том числе и из США. То же самое так часто повторялось в мемуарной литературе, что, возможно, источником для всех подобных сообщений был сам Павлов. Как мы увидим ниже, архивные документы показывают, что подобное утверждение не имело под собой оснований.

** См. [56, л. 420]. Луначарский вспоминал, что Павлов дважды отказывался от специального продовольственного пайка, пока им не были обеспечены «все ученые» [57, л. 51].

расценило ответ Павлова — не как отказ от личных привилегий, а как просьбу о расширении помощи ученым. В январе 1921 г. Митрофанов ответил на постоянные запросы Кремля о мерах, принятых в отношении Павлова, следующее: «В отношении личной жизни проф. Павлова не удастся сделать ничего, т. к. он упорно отказывается от помощи. Он говорит, что не может пользоваться теми привилегиями, которыми не пользуются его коллеги... Положение проф. Павлова можно улучшить предоставлением для наиболее крупных ученых Питера семейных пайков; в таком виде, вероятно, он будет удовлетворен» [58, л. 26].

Вскоре ученые Петрограда были обеспечены пайками (хотя и не столь обильными, как павловский) — Павлов добился своего. Это не только облегчило его совесть, но укрепило его контроль над лабораториями и стало дополнительным стимулом для работы сотрудников.

В то же самое время Павлов начал наводить справки о своих возможностях в случае выезда на Запад. Результаты были неутешительными. Его иностранные коллеги, включая Роберта Тигерштедта в Хельсинки, Эрнеста Старлинга и Уильяма Бэйлиса в Лондоне, Уолтера Кеннона, Саймона Флекснера и Френсиса Бенедикта в США, могли справляться о его положении через различные каналы Красного Креста, собирать деньги, чтобы облегчить ему жизнь в России, посылать из Хельсинки мясо для его собак и даже, по-видимому, могли оказать ему скромную материальную поддержку в таких относительно недорогих для жизни местах, как Копенгаген, Стокгольм и Хельсинки *. Но они не могли предложить ему академической должности, с обширными средствами и персоналом, необходимыми для ведения исследований на уровне, достойном Павлова. Английский историк Тилли Тенси выяснила, что в феврале 1921 г. Эрнест Старлинг, профессор физиологии университетского колледжа в Лондоне, направил в Совет по медицинским исследованиям запрос о деньгах для поддержки Павлова. Совет отказал, сомневаясь в том, что 72-летний Павлов способен руководить новыми исследованиями **.

* См. [59]. В письме от 28 апреля 1921 г. Павлов попросил Бенедикта оценить его возможности на Западе. Бенедикт в своем письме от 27 мая 1921 ответил, что Павлов может рассчитывать на умеренную поддержку в Швейцарии, Голландии или Англии. См. [60].

** Я благодарю д-ра Тенси из Wellcome Institute за сообщение мне об этом инциденте и за разрешение просмотреть сделанный ею обзор материалов Совета по медицинским исследованиям, находящихся в [61]. По мнению д-ра Тенси, время между подачей Старлингом его просьбы и получением отказа на нее исчисляется неделями.

В июне 1921 г. Флекснер и Кеннон также, в свою очередь, получили поразительные сообщения из Красного Креста. Эрнест Бикнелль, действующий директор по иностранным делам в Американском отделении Красного Креста, передал им телеграмму от представительства Красного Креста в России. В ней говорилось, что Павлов «может вскоре получить разрешение на выезд из России. Саймон Флекснер очень хочет приезда Павлова в Америку». Бикнелль попросил Флекснера написать письмо в Государственный департамент с просьбой обеспечить Павлова визой. Флекснер в своем ответе уверил приведенного в замешательство Кеннона, что «никогда ничего не предпринимал в плане побуждения Павлова приехать в Америку; как раз наоборот». Он телеграфировал Бикнеллю: «Ничего не знаю о предложении Павлову приехать в Америку, и без гарантий его обеспечения рассматриваю его приезд как в высшей степени рискованный». Кеннон согласился с мнением, что для Павлова выезд в США был бы «катастрофической ошибкой» *.

Почему тогда Павлов остался в России? Следующий ход рассуждений кажется наиболее вероятным. Павлов не хотел покидать родину и начинать свою жизнь заново, но материальные лишения, сердечная боль по поводу происходящего в России и невозможность продолжать в России свою научную деятельность подтолкнули его к мыслям об эмиграции. По зрелом размышлении он счел эту идею неприемлемой. Хотя большевики не могли, вероятно, помешать серьезно настроенному эмигрировать Павлову выехать из России, тайный отъезд обещал быть для нездорового, преклонных лет человека и его семьи по меньшей мере очень тяжелым. И что ждало его на Западе? В лучшем случае — скромная жизнь в отставке, в чужой культуре, в чужой стране, где он, чрезвычайно гордый человек, зависел бы от благотворительности коллег и не мог продолжать научную работу, составляющую смысл его жизни. Перспективы Павлова в революционной России к середине 1921 г. были много оптимистичнее: с концом гражданской войны возвращалась стабильность, и сам Ленин подтвердил заинтересованность государства в работе и благополучии ученого.

К середине 1921 г. «переговоры» между Павловым и большевиками определили контуры их взаимоотношений. Большевики не позволят Павлову эмигрировать, но они распространят

* См. [62]. Напрашивается очевидный вопрос, ответа на который в настоящее время нет: кто сообщил Красному Кресту о том, что Флекснер «очень хочет приезда Павлова в Америку?»

специальные привилегии на него и его лаборатории. Со своей стороны Павлов мог рассчитывать на международную поддержку, но только в России он мог получить условия, необходимые для продолжения его исследований на должном уровне. Оставаясь на родине, он получает возможность руководить своими лабораториями без вмешательства правительства. Кроме всего прочего, этот «договор» между ученым и государством оформился в то время, когда Павлов резко критиковал большевиков и настаивал на том, что подобная критика — дело его чести.

ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ ДИССИДЕНТ

В 1920-е гг. Павлов был открытым и бескомпромиссным критиком большевиков. Защищенный своим привилегированным положением, он публично атаковал государственную политику на общественных собраниях, где другие инакомыслящие уже давно были вынуждены замолчать. Его репутация распространилась далеко за пределы Петербурга (где аудитории его были переполнены ожидающей политического фейерверка публикой) к окраинам России, откуда ссыльные и рядовые жители писали ему о своих горестях, рассчитывая на сочувствующего слушателя.

Но тот же особый статус, который позволял Павлову открыто критиковать советскую власть, неизбежно привел к сложным повседневным отношениям с ее представителями. Чтобы руководить научной империей и использовать свои привилегии на пользу себе и другим, он должен был завязать деловые отношения с коммунистической партией. Так, к концу 1920-х гг., продолжая резкие выступления в адрес большевиков, Павлов наладил ровные рабочие отношения с государственным аппаратом и двумя влиятельными коммунистами, Львом Федоровым и Николаем Бухариным.

Благодаря щедрости государства лаборатории Павлова ожили во второй половине 1921 г. К этому времени, как вспоминал один из сотрудников Института экспериментальной медицины, они «приобрели особенно уютный, чистый и красивый вид» [63, л. 39]. Обновленные и переоснащенные лаборатории были укомплектованы новым, гораздо более многочисленным персоналом, который обеспечил лабораторное производство Павлова необходимыми «умелыми руками». В 1921 г. Павлов покинул одну из трех своих лабораторий, выйдя в отставку из Военно-медицинской академии (отчасти, по-видимому, в знак протеста против

проводившейся там «чистки» студентов из духовенства). Эта потеря тем не менее была более чем компенсирована расширением двух других его лабораторий — в Институте экспериментальной медицины и Академии наук. Работа Павлова обеспечивалась доступом к особому валютному счету (для приобретения литературы и иностранного оборудования), его многочисленные просьбы о специальном фондировании автоматически одобрялись Совнаркомом и Ленсоветом, он имел возможность ездить за границу (например, в США в 1923 и 1929 гг.) и посылать туда своих сотрудников для изучения иностранной техники и пропаганды учения об условных рефлексах.

Благодаря государственной поддержке статус Павлова стал намного веселее, чем в дореволюционные годы. К примеру, в 1921 г. один из его сотрудников, Г. П. Зеленый, стремясь к интеллектуальной независимости, не слишком поощряемой Павловым, обратился к государству за средствами на создание своего собственного института для изучения поведения животных. Это предложение было передано Павлову, чья критика стала решающей [64]. Другое письмо Зеленого, в котором он высказал Комиссариату здравоохранения свое мнение о том, что Павлов слишком стар для руководства лабораториями и не справляется со своей работой, было также переправлено ученому*.

СТРАСТНЫЙ КРИТИК

В дореволюционное время Павлов традиционно посвящал свою первую в академическом году лекцию так называемым «общим темам» — Тургеневу, например, или мировой войне. После 1917 г. ее главной темой стали исключительно ужасы большевизма**.

Например, в сентябре 1923 г. он обратился к аудитории, собравшейся в переполненном зале Военно-медицинской академии, с развернутой эмоциональной критикой брошюры Николая

* Конради Г. П. Интервью, записанное Ю. А. Виноградовым 18 июня 1969 г.; Сергеев А. А. Рассказы разных лиц об Иване Петровиче Павлове [65, л. 23]. Письмо Зеленого обнаружить в архивных материалах не удалось.

** Заметки с его комментариями в сентябре 1920 г. и краткое содержание его антибольшевистской лекции в сентябре 1919 г. хранятся в [66]. В своей лекции в сентябре 1923 г. он сказал: «Последние годы я [первую] лекцию посвящаю внутреннему состоянию России» [67, л. 1].

Бухарина «Пролетарская революция и культура» (1923)*. «Любимец нашей партии» (по выражению Ленина), Бухарин был членом Центрального Комитета и хорошо известным партийным теоретиком, уделявшим много внимания, в частности, науке и научной политике [70].

В речи Павлова развивались две главные темы. В первой, обращенной к патриотическим чувствам слушателей, он обвинял большевиков в пренебрежении национальными интересами России в погоне за химерой мировой революции: «Господа, может быть, вы теперь переделались в интернационалистов, но я был, есть и останусь русским человеком, сыном родины, ее жизнью прежде всего интересуюсь, ее интересами живу, ее достоинством укрепляю свое достоинство. Я был даже немало удивлен, когда произошла русская история крупнейшего значения и когда передо мною стал вопрос: быть или не быть родине, когда я боялся за судьбы родины... Это истина, если я скажу, что я прямо как бы потерял основной смысл в своей научной деятельности при мысли, что родина погибла. Для кого же я тогда стараюсь? Вот мои истинные чувства... С одной стороны — с мыслью о физиологии, а с другой стороны — с мыслью о том, что ждет мою родину, к чему все это приведет?» [67, л. 1].

«Я только что сделал большое путешествие... — сообщил он аудитории, — я не вижу того, что бы указывало на возможность мировой революции...» [67, л. 3].

Второй главной идеей лекции была угроза разрушения русской науки политикой большевиков. Павлов резко критиковал аргумент Бухарина о том, что партия уничтожит «анархию культурно-интеллектуального производства», используя те же принципы планирования, как и при производстве текстиля и колбасы.

«...В последнее десятилетие мы имеем не только выдающихся представителей науки, но имеем уже генерацию ученых людей. И что же выйдет, если эту самую науку будут третировать

* Личная библиотека Павлова содержит три книги Бухарина. Его копия «Пролетарской революции и культуры» с возмущенными подчеркиваниями, вопросительными знаками и «NB» сохранилась в архиве Квартиры-музея И. П. Павлова в Санкт-Петербурге. Машинописный экземпляр лекции хранится в архиве Павлова [67]. Текст был частично опубликован в [68]. Стенографическая запись этой лекции была тайком вывезена из России одним из сотрудников Павлова, физиологом из американского Университета Дж. Хопкинса У. Х. Гентом. Переведенная на английский язык Гентом или его женой, эта лекция была опубликована в [69].

люди, которые сами признают, что они ничего в этой науке не знают? Разве это не чрезвычайная опасность для науки?.. А такие признаки у нас налицо. Посмотрите, до какой степени у власти теперешней легкое обращение с наукой! Из Одесского университета было выброшено 15 наиболее талантливых профессоров, представителей науки... Я слышал от одного ученого, приехавшего на съезд патологов, что почти весь Новороссийский университет раскассировывается, все факультеты от заведенных порядков бегут. То есть довольно большая старая единица научной России — Одесский университет — упраздняется... Саратовский университет закрывается... Что ж это такое? С одной стороны, хотите анархию этого самого культурно-интеллектуального производства уничтожить. Что же — эту анархию уничтожают таким образом, что уничтожаются все университеты? К чему это приведет, как разберутся науки: что стоит, а что не стоит?» [67, л. 9].

Те же неопытные руки, говорил Павлов, невежественно старались проникнуть в сердцевину организации науки, все переделывая, постоянно пересматривая программы, отменяя «признанные всем светом порядки», уничтожая докторские степени *.

Центральный Комитет затребовал стенограммы высказываний Павлова, и три ведущих члена ЦК вскоре дали заключение. Зиновьев и Троцкий подвергли Павлова критике в обращениях к Конференции научных работников **. (Одновременно со своей открытой полемикой Троцкий написал Павлову уважительное письмо, предлагая ему оценить психоаналитическую теорию Фрейда под более «точным углом зрения теории условных рефлексов» [72; 73].) Мнение Бухарина — «О мировой революции, нашей культуре и прочем (ответ профессору И. Павлову)» — было опубликовано в начале 1924 г. и намеренно перепечатано в партийном журнале ВМА ***.

Вскоре Павлов стал национальным символом политического противодействия. Один из широко распространенных слухов,

* Среди отмененных элементов традиционной научной организации были профессиональные звания и докторские степени. Последнее было особенно неприятно для Павлова, так как кандидаты на получение докторской степени составляли основную рабочую силу в его лабораторном производстве. В 1934 г. Совет Народных Комиссаров восстановил звания и степени.

** Содержание ответов Зиновьева и Троцкого было обобщено в [71].

*** См. [74], а также [75; 76]. Ответ Бухарина переиздан в [77, с. 225—259].

вызванный его протестами против преследования религии, утверждал (ошибочно), что он сам был верующим. Личный архив ученого содержит много писем и просьб от тех, кто обращался к нему как к инакомыслящему. Например, в 1925 г. ссыльный «Лука, епископ Ташкентский и Туркестанский», тепло поздравил Павлова с его 75-летием и извинился за запоздалое приветствие. «Изгнанный за Христа на край света», он только что узнал о юбилее Павлова. «Кроме глубокого уважения, — писал он, — примите любовь мою и благословение мое за благочестие Ваше, о котором до меня дошел слух от знающих Вас». Павлов отвечал: «Глубоко тронут Вашим теплым приветом и приношу за него сердечную благодарность. В тяжелое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих, чувствующих по-человечески, остается одна жизненная опора — исполнение по мере сил принятого на себя долга. Всей душой сочувствую Вам в Вашем мученичестве» [78].

Политическое сопротивление ученого государственной политике в области науки достигло своего пика в 1928—1929 гг., когда под нажимом коммунистической партии проводилась кампания по избранию в Академию наук назначенных ею кандидатов*. В октябре 1928 г. Павлов вышел из состава Комиссии по назначению новых академиков, протестуя против ее «явно политического» характера [80, л. 262]. На другой день он послал руководству Академии письмо с просьбой включить в официальный протокол следующее: «Я считаю своим долгом обратить ваше внимание на важную черту приближающихся выборов в Академию наук. Впервые в истории нашей Академии, насколько мне известно, государство перед выборами заявляет о желательности избрания тех или иных кандидатов. Все органы государства (пресса, руководство высших учебных заведений и общественных организаций) воинственно настаивают на исполнении его желаний. Мне кажется, что это оскорбляет достоинство Академии и ляжет тяжелым грузом на совесть академиков. Было бы справедливее, если бы государство прямо назначало в Академию лучших с его точки зрения людей. А как действует на людей его нынешний образ действий?! Я приведу в пример событие, происшедшее 3 или 4 года назад. Тогдашний председатель горисполкома Зиновьев подверг работников образования следующей процедуре: “Выдвинута резолюция. Кто против?” — Молчание. — “Резолюция принята единогласно”. В те дни я встретил одного моего товарища-профессора и поделился с ним своим возмуще-

* О большевизации Академии наук см. прекрасную статью [79].

нием по этому поводу. Я должен добавить, что этот мой товарищ имел репутацию исключительно честного человека. Ответ его был следующим: “А чего вы хотите? Разве вы не знаете, что сейчас любое возражение — это самоубийство?”

Нельзя не признать, что наша текущая ситуация возлагает на нас огромную ответственность» [80, л. 308].

Непримиримость Павлова часто приводила в расстройство С. Ф. Ольденбурга, неременного секретаря Академии наук, полагавшего, что последняя может уцелеть, только повинувшись требованиям коммунистической партии. Во время одного особенно горячего заседания он и другие академики разошлись с Павловым во мнениях о тактике действий. Когда В. И. Вернадский предложил согласиться с настоянием партии голосовать за кандидатов списком, а не индивидуально, Павлов взорвался: «То, что вы предлагаете — это лакейство!» Попытки успокоить его потерпели полный крах. Павлов почти кричал, что большевикам надо себя показать, что их нечего бояться, что никаких предварительных переговоров не нужно, что каждый может и должен поступать индивидуально и т. п. Сергей (Ольденбург) ему очень запальчиво сказал, что ему, Ив. Павлову, разрешается говорить все, что угодно, что его не тронут, поскольку он находится в привилегированном положении, поскольку, как всем известно, и это утверждают сами большевики, он идейный лидер их партии. Павлов вскипел снова! Это было ужасно!*

Эта стычка отразила сложность позиции Павлова как «преуспевающего диссидента». Несмотря на все его привилегии, его оппозиция политике коммунистов была искренней, но эти привилегии разделяли его с коллегами и неизбежно понижали его моральный авторитет среди них.

В декабре 1929 г. Павлов превратил празднование 100-летней годовщины со дня рождения И. М. Сеченова в поразительный политический спектакль. Вместо того чтобы сказать, как его попросили, несколько вступительных слов, он демонстративно шагнул к большому портрету «отца русской физиологии» и обратился к нему со следующими словами: «О, суровый и благородный товарищ! Как бы ты страдал, если бы еще оставался среди нас! Мы живем под господством жестокого принципа:

* См. [81, л. 41]. Характеристика Павлова как «идейного лидера» большевиков опиралась на точку зрения многих коммунистических мыслителей, считавших, что работа над условными рефлексам поддерживает философию диалектического материализма. Нет необходимости говорить, что это не было точкой зрения самого Павлова.

государство, власть — все, личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда — все это в руках государства... Естественно, господа, что все обывательство превращается в трепещущую массу... На таком фундаменте, господа, не только нельзя построить культурное государство, но на нем не могло бы держаться долго какое бы то ни было государство» *.

Подобные слова крайне редко можно было услышать на публичных собраниях в 1929 г., и произведенный ими эффект был «ошеломляющим». Павлов к тому же смутил аудиторию внезапным переходом от антикоммунистической полемики к просьбе почтить память Сеченова вставанием. Подняться или не подняться? Наталия Траугот, присутствовавшая в зале, вспоминала 60 лет спустя: «Все страшно боялись встать, а в то же время нельзя было не встать» **. Все поднялись, нервно оглядываясь. Многие коммунисты после этого демонстративно покинули зал.

КОММУНИСТЫ ПАВЛОВА

Быстрый рост лабораторий Павлова в 1920-х гг. привлек туда работников с широким спектром политических взглядов. Некоторые из них в прошлом служили в белой армии; у Павлова они нашли защиту и могли свободно выражать свои мнения (и даже обмениваться антисоветскими шутками). Коммунисты и воинствующие советские студенты часто жаловались на то, что ближайшие сотрудники Павлова систематически препятствовали их попыткам наладить отношения со знаменитым физиологом.

К концу 1920-х гг. среди сотрудников Павлова было также около 10 членов коммунистической партии. Партийные ячейки в Академии наук и Институте экспериментальной медицины были все еще довольно слабыми, и, судя по сохранившимся протоколам их заседаний, они в то время были больше заинтересованы в снискании расположения Павлова, чем в оспаривании его политической идеологии и поведения: знаменитый ученый был

* См. [82, л. 6]. Эта часть речи Павлова была исключена из версии, опубликованной в [83, с. 84—88].

** Этот рассказ о реакции аудитории основан на моем интервью с Л. Г. Лейбсон (1 декабря 1990 г.) и интервью с Н. Н. Траугот, записанном Ю. А. Виноградовым (5 февраля 1989 г.).

фигурой слишком важной для рядовых коммунистов, чтобы противостоять ему. Эти партийные ячейки тем не менее являлись еще одной чужеродной «властной структурой» в лабораториях Павлова.

Павлов часто бранил этих «господ коммунистов», но в целом придерживался принципа — оценивать своих сотрудников только по их научной работе. Однажды, в начале 1920-х гг., он, как говорят, настаивал, чтобы один из его коллег подчиненных, П. К. Анохин, сделал выбор между коммунистической партией и его лабораторией *. Тем не менее ученый относился с большим уважением, по меньшей мере, к двум своим сотрудникам-коммунистам — Е. А. Асратяну и Л. Н. Федорову.

Взаимоотношения Павлова с Федоровым являли собой пример его практического сотрудничества с членом партии. Выпускник медицинского факультета Томского университета, специализировавшийся по физиологии и нервным болезням, Федоров с 1921 г. преподавал там экспериментальную физиологию и в июле 1923 г. стал «политическим комиссаром» университета. Вскоре после этого Совнарком командировал его на работу в лабораторию Павлова в Институт экспериментальной медицины. Федоров стал первым коммунистом, работавшим в его стенах. Он быстро поднялся в должности от лаборанта до старшего научного сотрудника (работая одновременно заместителем заведующего Губздравотделом Ленинграда) [84].

Действительно интересуясь научной работой, Федоров попросил в 1925 г. освободить его от других административных обязанностей, выполняемых им по поручению партии, чтобы более плодотворно работать в науке. «Я единственный партийный работник, работающий в лаборатории Павлова в области условных рефлексов, — убеждал он, — имеющей огромное будущее с марксистской точки зрения» **. Павлов поддержал его просьбу рекомендательным письмом, с похвалой отзываясь о Федорове как ученом: «В нем отчетливо виден настоящий научный работник. Не говоря об его щепетильной добросовестности в работе, он наблюдателен, зорко следящий за происходящими перед ним физиологическими явлениями, часто мимолетными и едва улови-

* Анохин, по-видимому, вышел из состава коммунистической партии, однако архивных материалов, подтверждающих этот факт, найти не удалось.

** См. письмо Л. Н. Федорова в организационный отдел Ленинградского комитета Российской коммунистической партии от 19 ноября 1925 г. [85].

мыми, он вдумчив, останавливаясь на оценке всякой особенности опыта, и исполнен горячего интереса к процессу исследования... К сожалению, работа только урывками, без сосредоточивания сил и внимания, не может быть особенно плодотворной. Было бы выгодно для науки, если бы Л. Н. Федоров мог целиком посвятить себя лабораторному делу» *.

Коммунистическая партия, однако, имела на Федорова большие виды, и Павлов способствовал их успешному осуществлению. В 1927 г. он предложил назначить Федорова заместителем директора ИЭМа. Он был, признавал Павлов, важным приобретением для института и его собственной лаборатории как «человек с огромным административным опытом и тот, который пользуется уважением в тех инстанциях московских и ленинградских, от которых зависит прохождение институтских дел» **. Павлов, по-видимому, не возражал против назначения Федорова в 1931 г. первым в истории института директором-коммунистом [86, л. 16]. В 1930-х гг. Федоров стал важной государственной фигурой, приняв участие вместе со Сталиным и Горьким в создании Всесоюзного института экспериментальной медицины в Москве, и, будучи его директором, играл центральную политическую и организационную роль в проведении XV Международного физиологического конгресса в 1935 г.

Павлов, конечно, знал, что Федоров — влиятельный коммунист, который регулярно информирует партию о его деятельности. И все же, по общему мнению, поведение Павлова по отношению к нему было уважительным и даже дружелюбным. Десятилетия спустя после смерти Павлова его семья все еще тепло вспоминала Федорова как благодетеля и защитника ***.

ПАТРИАРХ СОВЕТСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ (1930—1936)

В 1930-х гг. и Павлов, и большевики пожинали богатые плоды своего противоречивого сотрудничества. Мудрость политики государства подтвердилась прекращением Павловым публичной

* См. письмо И. П. Павлова от 1 ноября 1925 г. [85].

** См. [86, л. 19]. О рекомендации Павлова, данной им Федорову, известно со слов директора А. А. Владимирова.

*** Из моего интервью с Марией Владимировной Соколовой в Москве (26 февраля 1991 г.) и с Людмилой Владимировной Балмасовой в Ленинграде (27 апреля 1991 г.). Людмила Балмасова рассказала, например, как накануне вторжения Советского Союза в Финляндию в 1939 г. Федоров предупредил ее семью, посоветовав не ехать туда в отпуск.

критики, его открытой поддержкой международной и научной политики советского правительства, решающей ролью ученого в достижении огромного пропагандистского успеха: проведении XV Международного физиологического конгресса в СССР.

Для Павлова 1930-е гг. были годами беспримерных привилегий и преуспеяния. Исключительное внимание коммунистической партии к ученому иллюстрируют несколько эпизодов. Когда Павлов пожаловался, что уличное движение рядом с Институтом экспериментальной медицины беспокоило его собак, улица была немедленно перепланирована. Когда он заболел и врач прописал ему импортное шампанское, оно было доставлено к нему на следующий день из Хельсинки. Когда Павлову потребовалось расширить площадь Физиологического института Академии наук, президент Академии наук вынужден был выехать из своего помещения, прилегающего к институту. К услугам знаменитого советского ученого был «Линкольн» с шофером (хотя Павлов обычно предпочитал ходить пешком), а его кладовая регулярно пополнялась импортными продуктами.

Кроме того, государство выделило средства на огромный новый исследовательский центр — Институт экспериментальной генетики высшей нервной деятельности в Колтушах, в пригороде Ленинграда. В честь 80-летия со дня рождения Павлова в 1929 г. правительственным постановлением было объявлено о широком финансировании этого нового учреждения; 85-летие ученого в 1934 г. было отмечено еще более щедрой финансовой поддержкой. Благодаря этому обилию выделенных средств питомник для лабораторных животных превратился в научный городок с собственным совхозом, в место, которое стало вторым домом для стареющего ученого, любящего жизнь на природе.

Колтушский комплекс занимался многими научными проблемами, но главной была одна в высшей степени практическая цель. Как Павлов объяснял в нескольких интервью советской прессе: «Результаты нашей работы должны будут привести к успеху евгеники — науки о выработке лучшего человеческого типа» [87]. В 1932 г., неудовлетворенный медленным продвижением строительства в Колтушах, он еще раз сформулировал эту задачу в письме к главе Совнаркома В. М. Молотову: «Для этой лаборатории мною предназначена исключительно важная задача: опираясь на мой метод исследования высшей нервной деятельности... определить условия для получения, путем соответственного подбора производителей, совершеннейшей нервной системы (экспериментальная генетика высшей нервной деятельности). Чтобы приступить к успешному изучению этой задачи,

лаборатория неизбежно должна располагать моим личным участием. И у меня есть сильное желание, сколько хватит моих сил, поставить это дело на твердую и плодотворную базу ради пользы и славы прежде всего моей родины» [88, л. 12—13].

Молотов в ответ провозгласил строительство в Колтушах «ударным» объектом первостепенной важности, а кампания в прессе предостерегла: советское правительство не позволит замедлить строительство в Колтушах «саботажем» (см., например: [89]). Примечательно, что это происходило в то же самое время, когда евгеника подвергалась политическим преследованиям (Российское евгеническое общество было запрещено в 1930 г.) [90].

Особый статус избавил Павлова от чисток, жесткого планирования и других проявлений партийной политики, которые значительно урезали автономию ученых в 1930-х гг. Например, в 1932 г., когда от Павлова, как и от остальных советских ученых и учреждений, потребовали представить подробный рабочий план, он ответил, что помимо изучения высшей нервной деятельности, направление которого, учитывая характер исследования, предвидеть нельзя, он и его сотрудники «работают без плана» [91, л. 188—189]. В 1933 г. в лабораторию Павлова в Академии наук приехал профессор из Секции научных работников с сообщением о проведении там чистки «антисоветских элементов». Павлов буквально вышвырнул его из лаборатории с криком: «Вон, подонок!» После экстренного заседания возмущенные члены секции отправили делегацию к С. М. Кирову, главе коммунистической партии в Ленинграде, — и услышали в ответ: «Я ничем вам помочь не могу» *.

В 1929—1930 гг. отношение Павлова к большевикам постепенно менялось, — а к 1934—1936 гг. изменилось в корне. Считая в 1920-е гг. советское государство террористическим режимом, к 1934 г. он уже относился к нему как к правительству своей родины, со всеми совершенными им преступлениями, грубыми ошибками и достигнутыми успехами. Это сопровождалось и фундаментальными изменениями в поведении ученого: как уважаемый член общества, лояльный к существующему порядку, он теперь критиковал государственную политику только в частном и получастном окружении, а «несправедливости» пытался исправлять с помощью своих связей.

Как и принятое ранее решение остаться в революционной России, перемена в отношении Павлова к большевикам в 1930-е гг.

* Эта история была рассказана Федоровым А. А. Сергееву (см. [92, л. 9—10]).

была продиктована различными факторами. Идеологические и политические мотивы этой трансформации относительно легко подтверждаются документами. Как мы увидим ниже, те же основополагающие элементы дореволюционного мировоззрения Павлова, которые определили его негативное отношение к большевикам в 1920-е гг., — сциентизм и государственный патриотизм — содействовали в 1930-х гг. его сближению с советским государством. Не могли не повлиять на Павлова и его многочисленные личные и профессиональные привилегии, включая возможность использовать государственный аппарат для успешного осуществления своей научной деятельности.

Трансформация Павлова была связана также, как мне кажется, с двумя событиями: возвращением его сына из изгнания и большевизацией Академии наук. В 1928 г. государство разрешило младшему сыну Павлова, Всеволоду, бывшему офицеру белой армии, возвратиться в Россию. На каких условиях (если таковые были) — неизвестно, но мы знаем, что все последующие годы семья Павловых не переставала опасаться ареста Всеволода *. Забота о благополучии собственной семьи не удерживала Павлова от критики большевиков, но это беспокойство, без сомнения, оказывало на него влияние, особенно в середине 1930-х гг., когда он начал думать о том, что может произойти после его смерти.

Большевизация академии в 1928—1930 гг. также была важным психологическим фактором. Этот процесс, в результате которого академия — символ наук царской России — была подчинена контролю коммунистов, обострил к тому ж отношения Павлова с другими академиками. Вскоре после выборов в академию Павлов на короткое время опять вернулся к мыслям об эмиграции — и одновременно сделал первый завуалированный шаг к примирению с государством **. И то и другое, по-видимо-

* Интервью автора с Людмилой Владимировной Балмасовой 27 июня 1991 г.

** Отчет Центральному Комитету от 21 мая 1929 г. упоминал «слухи», согласно которым Павлов и ближайшие члены его семьи могли не вернуться из их запланированной поездки в Соединенные Штаты на Международный физиологический конгресс. Во избежание подобной возможности ЦК позволил сопровождать Павлова только его сыну Владимиру. Спустя два месяца один из членов ЦК, Е. Воронов, отзываясь о письме Павлова, касающемся поездки советской делегации на этот конгресс, отметил, что Павлов впервые обратился к правительству не с гневной критикой, а с просьбой, что должно быть расценено как открытый шаг к сближению. «Оттолкнуть его, — писал Воронов, — конечно, было бы неправильно». Оба этих письма см.

му, отражало новый уровень осознания им того, что советская власть стала свершившимся фактом и в новых условиях наибольшего успеха можно было добиться не в союзе с равными себе, не в качестве публичного критика, а будучи влиятельной личностью, установившей связи с властью.

Как любой человек, тем не менее Павлов был подвержен влиянию своего окружения. К 1930-м гг. оно включало коммунистов, «беспартийных большевиков» и антикоммунистов — каждого со своими собственными интересами, а по мере установления «тихого» террора — и со своими собственными страхами. Более того, за десять лет деловых контактов с коммунистической партией отношения Павлова с такими влиятельными коммунистами, как Федоров, Каминский и, что наиболее важно, Бухарин, нормализовались. Когда обстоятельства вынуждали Павлова принимать решения по сложным политическим делам, все трое были готовы помочь советом.

Наконец, Павлов и его окружение находились под постоянным надзором секретных органов, чья информация в нужное время оказалась полезной для создания того Павлова, который (как, во всяком случае, казалось) был «наш целиком».

ПАВЛОВ И БУХАРИН

Николай Бухарин «отвечал» в коммунистическом руководстве за налаживание связей с «буржуазной интеллигенцией»: считалось, что он лучше других понимает «духовные и психологические проблемы, которые представители старой интеллигенции обсуждали между собой» *.

Возможно, по этой причине Бухарину было поручено сблизиться с Павловым в период борьбы за Академию наук осенью 1928 г. ** Этот влиятельный коммунист верил, что общей почвой для сближения с Павловым могло стать мировоззрение уче-

[93]. Я благодарю Наталью Измайлову за их выявление и сообщение мне их содержания.

* См. [94, с. 61]. Роберт Конквест указал, что когда Сталин порвал с Бухариным в конце 1920-х гг., одним из его обвинений была политика Бухарина, направленная на мирное сотрудничество с непартийными специалистами. См. [95, с. 152].

** Много лет спустя вдова Бухарина вспоминала, как еще Ленин предположил, что личный контакт с Павловым может принести плоды. В статье [3] впервые было опубликовано многое из переписки Бухарина с Павловым.

ного. Как он объяснял в 1929 г. в ответ на нападки члена сталинской фракции в ЦК на Павлова как яркого «черносотенца»: «Что он “Интернационал” не поет, это я знаю... Но он *самый крупный физиолог в мире, материалист*, и, несмотря на все свое ворчанье, *идеологически* работает на нас (в своих сочинениях, а не в речах)» *.

Об обстоятельствах их первой встречи мы знаем только из рассказа Бухарина. По его словам, он сумел преодолеть первоначальную холодность приема Павлова, произведя на него впечатление своей эрудицией. Он говорил о древней философии, Канте, Гегеле — на темы, «обнаруживающие мое образование, и по которым он (ученый) мог судить на основе своего собственного образования». Поворотным пунктом оказался разговор о бабочках. В молодости Бухарин выиграл пари, запомнив наизусть латинские названия 300 бабочек. И сейчас он усладил слух Павлова (страстного коллекционера) полным их перечислением. «Только тогда Иван Петрович, кажется, взглянул на меня с интересом». Когда это «представление» было закончено, Павлов откровенно признался Бухарину, что выступал против его избрания в академию наук. После этого «лед был сломан» **.

В последних числах октября 1928 г. Павлов открыто высказал свое уважение к Бухарину и пригласил его домой на чай — и это несмотря на его возмущение выбором в Академию коммунистических «террористов», одним из которых был сам Бухарин ***. После этого Павлов, как говорят, принял приглашение Бухарина посетить его квартиру в Кремле, где хозяин еще больше поразил его своим интересом к биологии (Бухарин хранил дома орнитологическую коллекцию и держал ручную лисицу) [100, с. 47—48].

* См. [96, с. 44].

** См. [97, с. 14—16; 98, с. 163—164]. Последний рассказ, собственно, вторичен, так как является передачей от Бухарина И. А. Кассирскому и затем от Кассирского — Икрамову. Эти истории, как бы то ни было, очень похожи по содержанию, с различием лишь в сделанных акцентах и деталях (в разговоре с Николаевским Бухарин, по-видимому, преподнес этот рассказ как начало искренних отношений с Павловым, в своем разговоре с Кассирским он подчеркнул, как умело преодолел он сдержанность ученого).

*** Выражение «террорист» — из интервью Ю. А. Виноградова 13 июня 1969 г. с членом партии Коротыным, который в то время встречался с Павловым. Е. Г. Ольденбург упоминает о приглашении Павловым Бухарина в своей дневниковой записи от 28 октября 1928 г. [99, с. 208].

Павлов связывал с Бухариным свои надежды на смягчение политики большевиков и часто отзывался о нем с большим уважением. Он был для него «умным коммунистом», образованным и человечным, но оторванным от жизненной реальности фантазером. «Его бы к нам в лабораторию к станку с собакой, — заметил Павлов одному из сотрудников, — мы научили бы его правильно отражать действительную реальность» [101, с. 10].

Лучшая пора их взаимоотношений пришлось на 1930-е гг., когда политическое влияние Бухарина быстро пошло на убыль под нападками Сталина. Тем не менее Бухарин оставался важной фигурой — как руководитель научно-исследовательского сектора в ВСНХ СССР, которому подчинялась Академия наук, и как редактор «Известий», где в эти годы было опубликовано много интервью с Павловым. Как проницательно заметили Самойлов и Мозжухин, корреспонденты «Известий» проводили эти интервью очень умело и тактично. Осторожно формулируя свои вопросы и обходя спорные сюжеты, они могли таким образом без искажений публиковать ответы Павлова, свободные от высказываний, «нелояльных к правительству» [4, с. 271].

Бухарин мог, конечно, как он позже заявил, «влюбиться» в Павлова, но при этом он стремился, используя хорошие с ним отношения, вовлечь его в политическое сотрудничество*. Так, в 1931 г. он пытался отговорить его от включения в новое издание «Лекций по условным рефлексам» первоначального введения, содержащего критику революционных перемен.

«Дорогой Иван Петрович, не делайте этого, ради всех святых!.. Зачем Вам плодить всякие трения? К чему это? За Вами готовы ухаживать как угодно, все готовы идти навстречу всякой Вашей работе, а Вам обязательно хочется вставить революции перо. Не делайте этого, ради бога!

Вы не сердитесь на меня за эту интервенцию. Но мы условились с Вами насчет откровенности. Так уж разрешите обратиться к Вам с этой горячей просьбой. Не ссорьтесь с революцией» [102].

Павлов ответил: «То ли кровь, то ли 60-летняя привычка в лаборатории, только мне было бы стыдно перед собой, если бы я промолчал, когда надо было говорить, или бы говорил не то, что думаю. Поэтому я не могу согласиться на то, чтобы я выкинул в старом введении место о революциях.

* В своем некрологе Павлову Бухарин написал: «Я влюбился в этого человека, и он отвечал мне взаимностью» [1].

Революция для меня — это действительно что-то ужасное по жестокости и насилию, насилию даже над наукой; ведь один ваш диалектический материализм по его теперешней жизненной постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции... Я не реакционер, как меня честят Ваши, напротив, для меня ни в жизни, ни в науке ничто не окончательно, а бесконечные изменения и добавления. Только я не крушитель, а постепеновец...» [103].

В конце он печально добавил: «Почему я Вас понимаю, а Вы меня не понимаете?» «Если что-нибудь случится, — доверительно сказал Павлов сотруднику в 1934 г., — я могу обратиться к Бухарину» [104]. Он так и сделал в нескольких случаях, пытаясь спасти арестованных сотрудников и знакомых. Когда секретные органы арестовали, без явных к тому оснований, племянницу Серафимы Васильевы, Павлов попросил Бухарина: «Помогите, если можете». И добавил: «Боже мой, как тяжело теперь сколько-нибудь порядочному человеку жить в Вашем Социалистическом Раю» *.

В середине 1930-х гг. Павлов, как говорят, согласился поддержать план Бухарина о создании второй политической партии, составленной из интеллигенции, для обеспечения лояльной оппозиции, которая предлагала «изменения и средства улучшения» в государственной политике [97, с. 16]. Возможно, это способствовало принятию им решения, которое было бы неприемлемым несколько лет назад: он согласился стать в 1935 г. делегатом от Колтушского сельсовета на съезд Советов Ленинградской области **.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ЧУВСТВА

В 1930-е гг. Павлов критиковал большевиков так же глубоко и с той же горечью, как он это делал в 1920-х, но, в отличие от прежних лет, он и хвалил их за значительные успехи.

Его продолжающееся страстное отрицание основ государственной политики очевидно из его переписки 1934 г. В письме наркому здравоохранения Г. Н. Каминскому он писал: «К сожалению, я чувствую себя по отношению к нашей революции по-

* См. [105]. Бухарин смог помочь в освобождении женщины.

** См. [106]. Павловское удостоверение делегата на III съезд Советов Ленинградской области находится среди его личных документов в АРАН ПО.

чти прямо противоположно Вам. В Вас, увлеченного некоторыми, действительно огромными положительными достижениями ее, она “вселяет бодрость чудесным движением вперед нашей Родины”, меня она, наоборот, наполняет сомнениями...

Думаете ли Вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую? А много ли можно сделать хорошего с рабами? — Пирамиды — да; но не общее истинное человеческое счастье...» *

В письме к Молотову в том же году Павлов объявил советское государство безжалостным режимом террора и насилия» и критиковал преследование религии и мистическую веру в марксизм-ленинизм **. В 1934 же г. Павлов писал коллеге о том, что советское государство не выполнило самых существенных обязательств перед народом — это было ясно из «прошлогоднего голода до степени людоедства со всесоюзным ужасающим тифом, и теперешнего недоедания в массе, отсутствия достаточного топлива, тесноты и грязи, недостатка в самых обыкновенных лекарствах и т. д., и т. д.» [110]. Во время своих еженедельных встреч с сотрудниками ученый выговаривал находящимся среди них членам партии за недостаточное жилищное строительство и медицинское обслуживание, и слепое преклонение коммунистической партии перед Сталиным ***.

Павлов использовал свое влияние для освобождения ряда лиц, попавших под нарастающую волну политических арестов. Среди спасенных им были профессора Д. Н. Прянишников и А. А. Владимиров и А. И. Бархатова — женщина, чистившая клетки подопытных собак. Бархатова была освобождена после того, как Павлов доказал важность ее работы для подготовки его лабораторий к демонстрации на приближающемся Международном физиологическом конгрессе ****.

* Письмо И. П. Павлова Г. Н. Каминскому от 5 октября 1934 г. [107, л. 9]. Впервые оно было опубликовано в [108].

** Из письма И. П. Павлова В. М. Молотову от 21 декабря 1934 г. [109]. Много из переписки Павлова с Молотовым было впервые опубликовано в [5].

*** Эти высказывания, конечно, как и многое другое, не вписывавшееся в существовавший советский образ Павлова, были исключены из стенограмм этих заседаний, опубликованных в 1948 и 1949 гг.

**** Письмо Павлова в Совнаркоме от 20 августа 1930 г. по поводу ареста Прянишникова и Владимирова см. в [111]. Его письмо о работнице А. И. Бархатовой от 27 мая 1935 г. — в [121]. Я благодарю Ю. А. Виноградова за выявление этого письма и сообщение мне его содержа-

Частые оскорбительные комментарии Павлова в адрес политики коммунистов и стремление сохранить собственный контроль над своим научным производством привели к нескольким столкновениям с партийными ячейками в его лабораториях. Так, в 1932 г., согласно новым правилам в Академии наук, два аспиранта — члена партии были направлены на работу в лабораторию Павлова без его разрешения. В своем отчете перед партийной ячейкой они рапортовали, что Павлов встретил их потоком обвинений («коммунисты все зажали, всех душат, все их боятся») и заключил свою тираду следующим: «Вы мне антипатичны, я с вами порываю всякую связь, руководить вашими работами не буду; но ввиду того, что стены лаборатории и оборудование не мое, вы можете ходить в лабораторию... Заявляю вам, что я еще посмотрю и подумаю, насколько это будет для меня удобно, и если это с какой-либо стороны будет мне мешать (о том, где нет гармонии, я не могу мыслить), то я в любой момент поставлю вопрос — я или вы, а на это у меня возможность есть» [113, л. 13].

Ободренный такими словами Павлова, заведующий его лабораторией Н. А. Подкопаев также отказался курировать работу этих аспирантов. Партийная ячейка определила поведение Павлова как «яркое классовое выступление политического врага против советского общества и партии». Отметив, что ученый также проводил «открытую контрреволюционную пропаганду на своих семинарах», ячейка призвала «пересмотреть линию по отношению к Павлову» [113, л. 8—13]. Но подобные решения, конечно, принимались на высшем партийном уровне и обосновывались куда более веско.

Павлов в то время не отступал от критики большевиков — но в 1930-х гг. его публичные и в частном кругу выступления уже отражали изменения в его отношении к ним.

В письме к Каминскому, процитированном выше, он признавал «действительно огромные положительные достижения» коммунистического государства. Особенно впечатляющим, с точки зрения Павлова, было понимание правительством значения науки и поддержка ее в СССР. Один сотрудник позднее вспоминал первый положительный комментарий Павлова о большевиках,

ния. Павлов также способствовал освобождению из тюрьмы нескольких своих сотрудников. Одна из них, В. П. Адлерберг-Зотова, была арестована и выслана незадолго до XV Международного физиологического конгресса (1935). На конгрессе Павлов убедил Молотова освободить ее — и она и ее семья вскоре возвратились в Ленинград (из интервью с Адлерберг-Зотовой, записанного в 1982 г. Ю. А. Виноградовым).

услышанный им в 1929 г. во время посещения Колтушей: «Вы должны отдать должное нашим варварам в одном — они понимают ценность науки» *. На XV Международном физиологическом конгрессе (1935) и в знаменитом «Обращении» ученого к молодежи (1936) оценка правительственной политики звучала уже вполне недвусмысленно: «Наша родина открывает просторы перед учеными и — нужно отдать должное — науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро.

Что же говорить о положении молодого ученого в нашей стране. Здесь ведь все ясно и так. Ему много дается, но с него многое и спросится. И для молодежи, как и для нас, вопрос чести оправдать все большие упования, которые возлагает на науку наша родина» **.

Как последователь сциентизма 1860-х гг., Павлов видел в прогрессе и культурном престиже советской науки важное достижение с глубокими последствиями. Наука, писал он позднее, является «величайшей и основной силой человечества» и предназначена не только брать у безгранично богатой природы все, что может принести пользу людям, но она также учит думать и повышает культурный уровень человечества» ***.

Эта вера в цивилизирующее влияние науки могла сконцентрировать внимание ученого на положительных, по его мнению, моментах среди противоречивых событий 1934—1935 гг. **** Так, в 1935 г. он отметил в письме к Молотову, что «чем дольше существует Ваш режим, тем дальше он отходит от крайностей, с которых он начал, давая место действительной реальности вместо теоретических построений» [118, л. 1]. В том же году, после

* Интервью автора с Ритой Райт-Ковалевой, март 1977 г.

** Это «Обращение» широко публиковалось, в том числе в [114, с. 22—23]. Оно находится также среди личных документов Павлова [115].

*** См. его краткую неопубликованную рукопись на эту тему [116].

**** К 1934 г. в среде руководства коммунистической партии наблюдались значительные усилия к поддержке более умеренного социального и политического курса. На XVII съезде коммунистической партии были предприняты попытки заменить Сталина Кировым на посту Генерального секретаря (см. [95, с. 177—178]). В 1934—1935 гг. Сталин публично поддерживал ту же умеренную политику «культурного либерализма» (которая отразилась в улучшении снабжения населения бытовыми товарами) на Съезде советских писателей и в широкой освещенной в печати дискуссии о новой Конституции. Одновременно тем не менее был убит Киров, почти наверняка по приказу Сталина, и «тихий террор», усиливаясь, достиг своего апогея в 1936—1938 гг. (см. [117, с. 282—288, 303—313, 353—356]).

просмотра проекта «Сталинской Конституции», которая «гарантировала» такие основные политические свободы, как тайное голосование, Павлов выразил свое удовлетворение по поводу явного зарождения демократической эпохи в СССР. «Я много раз жаловался на тягость жизни. Теперь я хочу сказать другое. Мне кажется, что в нашей жизни наступает хорошее... я хочу верить, что действительно происходит поворот к нормальному строю жизни» *. Спустя пять месяцев, благодаря советское правительство за щедрую поддержку Колтушей, он добавил: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько мне позволяют мои силы, прежде всего моему отечеству. На моей родине идет сейчас грандиозная социальная перестройка. Уничтожена дикая пропасть между богатыми и бедными. И я хочу жить еще до тех пор, пока не увижу окончательных результатов этой социальной перестройки» [120].

«Государственный патриотизм» Павлова также способствовал его сближению с большевиками. Развитие России как индустриальной, военной и научной державы, а также поворот Сталина от интернационализма к «социализму в одной стране» сгладили для ученого многое из того, что он критиковал в 1920-х гг. Более того, Павлов склонен был «сомкнуть ряды» с советским государством во время международного кризиса (как он это сделал во время первой мировой войны). К 1934 г. он был озабочен угрозой фашизма, который, как он предостерегал Молотова, начинает распространяться в Европе **. Ученый публично аплодировал официальной политике общественной безопасности, проводимой Советским Союзом: «Это открывает блестящие перспективы перед развитием науки в нашей стране. Мы хотим не воевать, а творить...

Г-н Гитлер хочет воевать... Дай только г-ну Гитлеру свободные руки, и он немедленно попытается и нас и кого угодно проглотить как мух. Вот почему мы особенно должны сочувствовать и способствовать борьбе нашего правительства за мир...» [122].

* Это высказывание из машинописной неподписанной стенограммы заседаний «сред» Павлова от 6 февраля 1935 г. см. в [119]. В. К. Фадеева, принимавшая участие в этом заседании, рассказала о выступлении Павлова в моем интервью с ней 6 марта 1991 г. Согласно Рюю Медведеву, проект раздела Конституции о правах и обязанностях советских граждан был написан Бухариным [100, с. 102].

** См. [121]. Подчеркивание Павловым угрозы со стороны фашизма вторит мыслям об этом Бухарина, ближайшего посредника между ученым и коммунистическим руководством (см. [70, с. 360—363.]).

Один провинциальный ученый, в 1920-х гг. обменивавшийся с Павловым и его сотрудниками антисоветскими шутками, обнаружил, что все изменилось: когда он рассказал подобный анекдот в 1934 г., Павлов перебил его: «Подлец тот, кто в трудные для Родины минуты подрывает могущество ее правительства» *.

ПАВЛОВ И СЕКРЕТНЫЕ ОРГАНЫ

Секретные органы не спускали глаз с ученого **. К концу 1920-х гг. сеть осведомителей систематически доносила о его разговорах в лаборатории, на улице и даже в семейной обстановке. Значительная часть этих агентурных записок осталась недоступной, но четыре из них, которые удалось обнаружить, помогают понять их значение для властей ***.

Детальная информация о настроениях и намерениях Павлова позволяла государству влиять на его поведение с помощью окружающих его людей. Павлов мог открыто выражать свои мысли, но никто вокруг него не радовался этой привилегии. Наиболее близкие к нему по-разному вели себя по отношению к советской власти, и у каждого из них были собственные интересы. Бухарин и Федоров, находящиеся рядом с Павловым, всегда могли вовремя отреагировать, когда это было нужно. Столь же важной в этом отношении была Мария Капитоновна Петрова, сотрудник и интимный друг Павлова. Их взаимоотношения были общеизвестны в кругу Павлова (не говоря уже об НКВД), и Петрова, движимая смесью убеждений и страха, в зависимости от обстоятельств, могла повлиять на Павлова в критический момент.

Масштабы слежки очевидны из агентурной записки, составленной в дни 85-летия Павлова в 1934 г.: «Под влиянием своего сына (Всеволода), — начинался рапорт, — Павлов решил уклониться от официального празднования его дня рождения и уехал накануне юбилея в Колтуши, оставив указание не говорить нико-

* Из интервью автора с В. К. Фадеевой, 6 марта 1991 г.

** Советские секретные органы: первоначально ВЧК, с 1922 — ГПУ, с 1924 — ОГПУ, с 1934 — НКВД.

*** Ф. Ф. Перченков сообщает сведения, полученные из третьих рук, о том, что к 1930-м гг. в распоряжении НКВД находилось пять томов подобных рапортов [79, с. 190]. Ю. А. Виноградов, также основываясь на вторичных источниках, сообщил мне о том же в 1991 г. Судя по четырем отчетам, обнаруженным мною в партийном архиве в Санкт-Петербурге, подобные рапорты составлялись еженедельно.

му, куда именно. Его семья присоединилась к нему на следующее утро. В 3.45 пополудни официальная делегация (прекрасно уведомленная о месте пребывания Павлова) доставила пакет приветствий из Совнаркома. Павлов был “сильно растроган”.

После этого, собрав всех членов семьи и зачитав приветствие, Павлов заявил: “Я предполагал, что приветствие правительства будет только опубликовано в печати и никак не ожидал, что получу приветствие лично и за подписью Председателя Совнаркома Молотова. Теперь хватит. Больше я никого слушать не буду, и если мне удастся дожить до следующего юбилея, то я буду поступать так, как подсказывает мне моя совесть. Я буду праздновать юбилей так, как это принято, т. е. со всеми торжествами...”

Вся семья выслушала заявление академика с напряженным вниманием и без единого замечания или возражения» [123, л. 10—11].

Затем Павлов согласился принять участие тем же вечером в небольшом банкете в его честь в доме М. К. Петровой. Переполненный чувствами, он даже пригласил на него ряд других гостей (включая двух администраторов-коммунистов и своего шофера). В донесении сообщаются многочисленные детали о вечере, включая показательный комментарий М. К. Петровой. Намереваясь на антисоветские взгляды младшего сына Павлова, она убеждала одного из коммунистов в том, что использовала любую возможность, чтобы убедить Павлова в «подлости» поведения Всеволода. Павлов, «к сожалению», всегда настаивал на связи с сыном «родительскими чувствами»*.

Когда Павлов написал проект письма для публикации в «Известиях» с благодарностью к учреждениям и частным лицам за поздравления с днем рождения, Бухарин вернул письмо с указанием на одну бестактную неточность. «Академик Павлов был сильно расстроен», сообщалось в рапорте, и в разговоре с одним из сотрудников ругал себя: «Я действительно наделал много глупостей со своим юбилеем и теперь не знаю, как мне из такого положения выбраться. Надо было мне свой юбилей отмечать по установившемуся порядку. Своим письмом в редакцию “Известий” я причинил много хлопот Николаю Ивановичу Бухарину, чего делать не хотел бы. Мне не хотелось затруднять Бухарина. Я готов сделать все так, как рекомендует мне Бухарин» [123, л. 19—20].

* См. [123, л. 11—12]. Всеволод умер от рака в 1935 г.

Эта агентурная записка демонстрирует зависимость Павлова от Бухарина в сложных политических делах, а также поднимает вопрос, на который в настоящее время вряд ли можно ответить: как использовалась подобная информация о психологических реакциях ученого для манипуляции этим стихийным и эмоциональным человеком, особенно учитывая его противоречивые чувства к советскому правительству?

Влияние государства на окружение Павлова и использование секретной информации о нем сыграли, очевидно, большую роль в том, что на XV Международном физиологическом конгрессе Павлов публично поддержал политику СССР. СССР начал подготовительную работу по проведению конгресса на своей территории не позднее чем в 1929 г. Целью было повысить международный престиж СССР и продемонстрировать успехи, достигнутые им в науке, промышленности и сельском хозяйстве. Бухарин, по-видимому, убедил Павлова использовать его весомый престиж, и это стало решающим фактором в преодолении политических предубеждений международной физиологической общественности*.

В преддверии конгресса Павлов, однако, начал колебаться. В сентябре 1934 г. НКВД рапортовал в Ленинградский секретный политический отдел, что «антисоветская группа под руководством сына Павлова — Всеволода и включая несколько сотрудников Павлова» поставила своей целью «удержать академика Павлова Ивана Петровича на старых, враждебных советскому правительству позициях». Эта группа почти убедила Павлова «написать извинительное письмо заграничным коллегам о том, что он ошибся, сделав приглашение им провести работы очередного Международного конгресса в СССР». Здесь архивная запись обрывается, но похоже, что партия мобилизовала свои контакты в окружении Павлова, чтобы предупредить надвигающуюся катастрофу. Павлов не отослал письмо, и работа по подготовке конгресса продолжилась**.

Накануне конгресса политический отдел организационного комитета поручил наркому здравоохранения Г. Н. Каминскому, бывшему с ученым в добрых отношениях, «договориться с акад.

* См. [124; 125]. Я благодарю Наталью Измайлову за выявление и сообщение мне содержания первого из этих документов.

** См. [123, л. 5—6]. Другими членами этой «антисоветской группы» были А. А. Линдберг, Н. А. Подкопаев, В. В. Рикман и С. Н. Выржиковский.

Павловым об окончательной редакции вступительного слова» *. Федоров и Петрова также убеждали Павлова включить в выступление заявление о своей поддержке международной политики Советского Союза. Возможно, под их влиянием он добавил к уже готовому, напечатанному тексту теплую фразу, произведшую фурор в советской прессе и за границей: «И я счастлив, что правительство моей могучей родины, борясь за мир, впервые в истории провозгласило: “Ни пяди чужой земли!”» **.

Речь здесь идет не о том, что Павлов был вынужден сделать это заявление или что он не был искренним. Точнее сказать — эта фраза, как и его участие в конгрессе, были проявлением не только искренних чувств и намерений Павлова, но также и плодом усилия его окружения и хорошо осведомленного аппарата, манипулировавшего этим окружением в своих собственных интересах. То же самое, без сомнения, относится и ко многому другому, случившемуся в последние годы жизни ученого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Только после 27 февраля 1936 г. Павлов стал «наш целиком»: со смертью ученого его реальная жизнь растворилась в потоке хлынувших легенд. В каждой легенде, конечно, содержится зерно правды, но, как мы увидели, человек намного сложнее, чем его «легендарный» портрет.

Что мы можем сказать о «Павлове — беспартийном большевике», созданном советскими мифотворцами? Поведение Павлова по отношению к большевикам действительно изменилось к лучшему в последние годы его жизни, когда он вместе с коммунистическим государством организовывал проведение XV Международного физиологического конгресса в СССР, поддерживал политику правительства перед международной аудиторией — и

* Из протокола Политической комиссии по XV Международному физиологическому конгрессу [126, л. 1]. Х. И. Идельчик приводит следующую характеристику Каминского, данную ему Павловым: «Умный большевик, с ним все охотно сотрудничают». Автор не приводит, тем не менее, источника. Она указывает, что свои письма к Молотову Павлов подписывал формально («Академик Ив. Павлов»), а к Каминскому более лично («Преданный Вам Ив. Павлов») [127, с. 461, 466].

** Имелся в виду лозунг Сталина об отказе от всех экстратерриториальных притязаний. Подлинник рукописи с вписанными рукой Павлова добавлениями см. в [128]. Вступительная речь Павлова на конгрессе была широко опубликована (см., например, [129, с. 16—18]).

даже согласился стать делегатом Колтушского сельсовета. Однако этот «беспартийный большевик» никогда не переставал критиковать политику государства, много раз пытался спасти невинных жертв политических арестов, и, по-видимому, только своевременное вмешательство государства удержало его от срыва XV Международного физиологического конгресса буквально за несколько месяцев до созыва последнего в Ленинграде. К самому концу жизни Павлов открыто отмечал Рождество в Колтушах, убеждая своих сотрудников-коммунистов в важности празднования дня рождения Иисуса Христа.

Сегодня русские демократы находятся на прямом пути к созданию мифа о Павлове как о «первом диссиденте». Но и это — лишь частичное прочтение жизни ученого. Павлов действительно атаковал коммунистическую партию открыто и страстно в 1920-е гг. и менее открыто — в 1930-е, направляя свою критику на догматическую официальную философию, преследование религии, ограничение автономии науки и ученых и использование террора как инструмента государственной политики. Однако слово «диссидент» вряд ли можно отнести к человеку, который имел в своем распоряжении буквально неограниченные средства и лимузин с шофером, кто письмом к соответствующему комиссару мог перенести улицу (или кабинет президента Академии наук) в место, которое он считал более удобным.

Таким образом, каждая версия содержит зерно правды, но в то же время — и крупную лжи: все они основаны на в высшей степени тенденциозно подобранной коллекции политических высказываний Павлова, в которых ученый выступает как абстрактный теоретик. Павлов действительно имел политические взгляды, но наука, а не политика — вот что поглощало его ежедневно и самым существенным образом формировало его опыт в Советской России.

Определяющим моментом в отношении Павлова к государству, я думаю, был его успех как ученого и антрепренера в науке. Несмотря на его жесткую критику большевиков в 1920-х гг., он затратил много времени и усилий, чтобы добиться их покровительства для его научной империи и защитить свое право руководить ею так, как он считал нужным. И важнейшей темой его открытых критических выступлений — например, его критика Бухарина в 1923 г., его сопротивление большевизации Академии наук в 1928—1929 гг., его речь на юбилее Сеченова в 1929 г. — была защита автономии науки.

В итоге Павлов добился для себя всего того, чего он (как и большинство членов русского научного сообщества) надеялся

добиться для этого сообщества в целом: материального комфорта, высокого общественного положения, щедрого государственного покровительства, свободы от административного вмешательства и оков идеологического единомыслия. Павлов приобрел могущественное влияние: он мог не только увеличить продовольственный рацион нуждающихся сотрудников и найти для них хорошую работу: он мог также, в определенных рамках, наградить их поездкой за океан — или спасти от ГУЛАГа. Его возможности для успешного строительства своей научной империи и совершения добрых дел проистекали из того простого факта, что он стал уважаемым членом установившегося порядка. Как директор государственного предприятия Павлов создал нормальные рабочие отношения с государственным аппаратом и его представителями. С годами его ненависть к «коммунистам» приобрела сложную форму, отразившись, возможно, в часто использовавшемся полуругательном обращении «господа коммунисты», что было результатом профессиональных и личных столкновений с ними как руководителя научных учреждений. Некоторые коммунисты были способными сотрудниками лаборатории, другие оказались успешными администраторами, третьи (включая таких партийных лидеров, как Бухарин и Каминский) производили впечатление умных и человечных. В Федорове Павлов признал не только коммунистического идеолога и политического функционера, но также очень трудолюбивого физиолога, способного администратора, помощника со связями, семейного защитника и пылкого партнера в его любимых «городках».

И речь не идет о том, что Павлов был просто куплен или обратился в советскую веру. Без сомнения, он был глубоко моральным человеком. Но его моральные суждения также во многом вытекали из его убеждений человека науки. Как он писал епископу Луке в 1925 г.: «В тяжелое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих, чувствующих по-человечески, остается одна жизненная опора — исполнение по мере сил принятого на себя долга». Павлов считал своим долгом вести свои собственные научные исследования и защищать русскую науку. Наука, с его точки зрения, была «величайшей и основной силой человечества». Ученый полагал, что так же, как успехи науки царской России пережили царский режим, так и процветающая советская наука может пережить, и, возможно, смягчить варварство государства, взрастившего ее.

В конце концов, несмотря на значительные разногласия, между Павловым и большевиками установились такие взаимоотношения, благодаря которым обе стороны получили то, к чему они

больше всего стремились. Павлов мог осуществлять контроль над своей как никогда развернувшейся научной империей, успешно и без финансовых ограничений вести исследования и комфортно жить в согласии со своей совестью. Большевики могли продемонстрировать Нобелевского лауреата, творчески работающего в революционной России, использовать его интернациональный престиж для своих далеко идущих целей и подготовить поколение истинно советских его наследников ко дню, когда Павлов покинет сцену.

Эта статья является частью большого проекта по написанию современной биографии Павлова, который стал возможен благодаря поддержке National Endowment for the Humanities, the John Simon Guggenheim Memorial Foundation, Fulbright-Hays, and the International Research and Exchanges Board. Я особенно признателен Юрию Виноградову за то, что он поделился со мной своими обширными знаниями о жизни и архивном наследии Павлова; Владимиру Соболеву и коллективу Петербургского отделения Архива РАН, и Наталье Загриной и коллективу Дома-музея И. П. Павлова в Рязани за их помощь и щедрость; Марку Адамсу за пронизательную критику, которая помогла фундаментально реорганизовать и рукопись, и мое понимание предмета; Николаю Кременцову за критику и предложения, основанные на его знании истории советской науки; Элеоноре Филипповой за помощь в исследовании и поддержку. Моя особая благодарность внукам И. П. Павлова Людмиле Балмасовой и Марии Соколовой и правнучке Марине Балмасовой за их доброе отношение и поддержку.

Литература

1. Бухарин Н. Памяти великого ученого // Известия. 1936. 28 февраля.
2. Есаков В. И академик Павлов остался в России // Наука и жизнь. 1989. № 9. С. 78—85; № 10. С. 116—123.
3. Самойлов В. О., Виноградов Ю. А. Иван Павлов и Николай Бухарин: от конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С. 94—120.
4. Самойлов В. О., Мозжухин А. С. Павлов в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Л., 1989.
5. Самойлов В. О., Виноградов Ю. А. Протестуя против безудержного своевластия // Советская культура. 1989. 14 января.
6. Григорян Н. А. Общественно-политические взгляды И. П. Павлова // Вестник Академии наук. 1991. № 10. С. 74—89.

7. *Todes D.* Pavlov's Physiology Factory // *Isis*. 1997. Vol. 88. N 2. P. 205—246.
8. *Павлов И. П.* Основы культуры животных и человека (1918) // Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургское отделение (далее — АРАН ПО). Ф. 259. Оп. 1а. Д. 5.
9. Центральный государственный исторический архив Петербурга (далее — ЦГИАП). Ф. 1284. Оп. 188. Д. 32.
10. Письмо Н. В. Савича к Ю. Н. Милютину (без даты) // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1556.
11. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 46.
12. *Конради Г. П.* И. П. Павлов — А. А. Ухтомский. Воспоминания (без даты) // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 7. Д. 318.
13. *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных // ПСС. 2-е изд. М.; Л., 1951. Т. 3. Кн. 1.
14. *Тен-Кате Я. Я.* Воспоминания об Иване Петровиче Павлове // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 91.
15. *Петрова М. К.* Иван Петрович Павлов // АРАН ПО. Ф. 767. Оп. 3. Д. 3.
16. *Павлов И. П.* О русском уме // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 4.
17. *Павлова С. В.* Воспоминания // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 169.
18. ЦГИАП. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 409.
19. АРАН ПО. Ф. 1. Оп. 1а.-1917. Д. 164.
20. Там же. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 1.
21. Письмо В. И. Павлова к С. В. Павловой от 6 ноября, 7 ноября и 10 ноября 1917 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 9. Д. 10. Л. М-91.
22. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 4. Д. 25.
23. Центральный государственный архив научно-технической документации (Санкт-Петербург) (далее — ЦГАНТД). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1.
24. *Грекова Т. И.* Институт экспериментальной медицины в 1917—1932 гг. // Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. Л., 1990. С. 44—75.
25. АРАН ПО. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 42.
26. Письмо И. П. Павлова Л. А. Тарасевичу от 30 сентября 1918 г. // Архив Российской Академии наук (Далее — АРАН). Ф. 1538. Оп. 4. Д. 259.
27. *Павлов И. П.* Об уме вообще // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 3.
28. *Smith R.* Inhibition: History and Meaning in the Sciences of Mind and Brain. Berkeley: University of California Press, 1992.
29. *Lincoln W.* Red Victory: A History of the Russian Civil War. New York: Simon & Schuster, 1989.
30. Копия письма И. П. Павлова В. Д. Бонч-Бруевичу от 15 июня 1920 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 6.
31. Письмо И. П. Павлова В. К. Трофимову, процитированное в воспоминаниях Трофимова // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 4. Д. 88.

32. Письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву от 25 июня 1920 г. // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 14476.
33. Копия письма И. П. Павлова В. Д. Бонч-Бруевичу от 15 июня 1920 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 7.
34. АРАН ПО. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 43. Л. 448—449, 537—538 об.
35. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 43.
36. Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 168.
37. Там же. Ф. 259. Оп. 2. Д. 1112.
38. Копия письма И. П. Павлова В. Д. Бонч-Бруевичу (без даты), получено 3 июля 1920 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 7. Д. 174. Это письмо было позднее опубликовано: *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин и мир литературы и ученых // На литературном посту. 1927. № 20. С. 36—37.
39. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 130. Оп. Ф. Д. 90.
40. Там же. Д. 180.
41. Там же. Оп. 4. Д. 206.
42. Там же. Д. 741.
43. Центральный государственный архив Октябрьской революции (Санкт-Петербург) (далее — ЦГАОР). Ф. 100. Оп. 4. Д. 74.
44. ЦГАОР. Ф. 100. Оп. 4. Д. 224.
45. Письмо В. Д. Бонч-Бруевича И. П. Павлову от 11 октября 1920 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 2. Д. 1112.
46. Письмо от... (фамилия неразборчива) Эдварду Шеферу (Edward Shaefer) от 22 января 1921 г. // Contemporary Medical Archives Center, The Wellcome Institute, London. PP/ESS/E. 16/6.
47. W. D. Cannon papers, box 37, folder 459, in the Francis A. Countway Library of Medicine, Harvard University Medical School.
48. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16771, 16813 и 16795.
49. Там же. Д. 125.
50. Там же. Д. 16795.
51. Там же. Д. 16813.
52. *Babkin B. P. Pavlov*. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
53. Письмо Н. Н. Покровского И. П. Павлову от 25 января 1921 г. // РЦХИДНИ. Ф. 5. Д. 125.
54. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 170.
55. Письмо Правления делами Комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде РСФСР в Секретариат Совнаркома от 31 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 633.
56. Письмо И. П. Павлова М. П. Кристи от 9 февраля 1921 г. // ЦГАОР Ф. 2555. Оп. 1. Д. 235.
57. *Луначарский А. В.* Наука в СССР (1928) // РЦХИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 179.
58. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 125.
59. W. D. Cannon papers, box 37, folder 459.
60. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 2. Д. 107.

61. Minute Book. № 2. 1915—1926. Item 26. 25 February 1921.
62. W. D. Cannon papers, box 37, folder 459.
63. *Райт-Ковалева Р.* Воспоминания об академике И. П. Павлове (1970) // Архив Дома-музея И. П. Павлова (Рязань). Ед. хр. 1043377.
64. ГАРФ. Ф. 482. Оп. 25. Д. 183.
65. *Сергеев А. А.* Рассказы разных лиц об И. П. Павлове // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 46.
66. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 81.
67. *Павлов И. П.* Лекция на втором курсе студентов Военно-медицинской академии (25 сентября 1923 г.) // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 12.
68. *Самойлов В., Виноградов Ю.* Иван Павлов и Николай Бухарин: от конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С. 95—100.
69. *Rose Kenneth W., Levold Ervin, Hiltzik Lee R.* Ivan Pavlov on Communist Dogmatism and the Autonomy of Sciences in the Soviet Union in the Early 1920s // Minerva. 1991. Vol. 19. P. 463—475.
70. *Cohen S. F.* Buharin and Bolshevik Revolution. New York and London: Oxford University Press, 1973.
71. Красная газета. 1923. 9 ноября, 24 ноября.
72. Обращение Троцкого к Первой Всероссийской конференции научных работников // Петроградская правда. 1923. 24 ноября.
73. Письмо Л. Д. Троцкого И. П. Павлову от 27 сентября 1923 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 13.
74. *Бухарин Н. И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ проф. И. Павлову). Л., 1924.
75. Красная Новь. 1924. № 1.
76. Наша Искра. 1924. № 7.
77. *Бухарин Н. И.* Методология и планирование науки и техники. М., 1989.
78. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 2. Д. 1190.
79. *Перчонок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Т. 1. С. 163—235.
80. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1-1928. Д. 89.
81. *Ольденбург Е. Г.* Записка о работе Сергея Федоровича Ольденбурга в качестве постоянного секретаря Академии наук в 1928—1929 гг. // АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57.
82. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 108.
83. Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1975.
84. РЦХИДНИ (СПб). Ф. 1728. Д. 308501.
85. Там же. Д. 234546.
86. ЦГАНТД. Ф. 182. Оп. 1-1. Д. 145.
87. Новая Биологическая станция акад. И. П. Павлова // Известия. 1933. 11 августа.
88. Письмо И. П. Павлова в Совнарком от 2 августа 1932 г. // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 2012.

89. Колтуши // Красная газета. 1933. 3 октября.
90. *Adams M.* Eugenics in Russia, 1900—1940 // *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brasil, and Russia* / Ed. by M. Adams. New York: Oxford University Press, 1990. P. 153—216.
91. АРАН ПО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 5.
92. Там же. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 46.
93. ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 15.
94. *Fitzpatrick Sh.* The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992.
95. *Conquest R.* Stalin. New York: Viking, 1991.
96. Письмо Н. И. Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11.
97. *Nicolaevsky B.* Power and the Soviet Elite / Ed. by Janet Zagoria. New York: Frederik: Praeger, 1965.
98. *Икрамов К.* Дело моего отца. М., 1991.
99. АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57. Т. 11.
100. *Medvedev R.* Nicolai Bukharin: The Last Years. New York: W. W. Norton & Co., 1980.
101. *Гальперин С. И.* Великий физиолог И. П. Павлов (1949—1936) (1990) // Архив Дома-музея И. П. Павлова (Рязань). № 6666.
102. Недатированное письмо Н. И. Бухарина И. П. Павлову // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 41.
103. Письмо И. П. Павлова Н. И. Бухарину от 27 сентября 1931 г. (копия) // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 42.
104. *Абуладзе К. С.* Интервью, записанное Ю. А. Виноградовым 19 июня 1970 г. // АРАН ПО. Разряд XVI. Оп. IV. № 47.
105. Письмо И. П. Павлова Н. И. Бухарину от 6 октября (1932?) (копия) // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 36.
106. Беседа академика И. П. Павлова с делегацией комсомольцев // Правда. 1935. 1 января.
107. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 4. Д. 209.
108. *Соболь И., Манн А.* Он не мог поступить иначе // Медицинская газета. 1988. 2 ноября
109. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 30.
110. Письмо И. П. Павлова Н. С. Державину от 9 мая 1934 г. // АРАН ПО. Ф. 827. Оп. 4. Д. 397.
111. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 19.
112. Там же. Ф. 135. Оп. 1. (1935) Д. 6.
113. РЦХИДНИ (СПб). Ф. 2019. Оп. 2. Д. 75.
114. *Павлов И. П.* ПСС. М.; Л., 1951. Т. 1.
115. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 72.
116. Там же. Д. 68.
117. *Tucker R.* Stalin in Power. New York: W. W. Norton & Co., 1992.
118. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 39.
119. Там же. Оп. 1. Д. 112.
120. Академик И. П. Павлов о Советской Родине // Известия. 1935. 6 июля.

121. Письмо И. П. Павлова В. М. Молотову от 21 декабря 1934 г. // АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 30.
122. Интервью с Павловым // Известия. 1935. 18 августа.
123. РЦХИДНИ (СПб). Ф. 24. Оп. 2в (связка 567). Д. 757.
124. ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 5. Д. 15.
125. Там же. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 827.
126. ЦГАНТД. Ф. 182. Оп. 1-1. Д. 489.
127. *Идельчик Х. И.* Нарком здравоохранения Г. Н. Каминский // Ре-
прессированная наука / Ред. М. Г. Ярошевский. Л., 1991. Вып. 1.
128. АРАН ПО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 114.
129. *Павлов И. П.* ПСС. 2-е изд. М.; Л., 1951. Т.1.

